

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.А. Абрамова

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА, ТРАНСЛЯЦИЯ
МОНОЭТНИЧНЫМИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ СЕМЬЯМИ**

Новосибирск
2016

УДК 314.156.2+316.356.2+323.1
ББК 60.545.1+60.561.53
А 161

*Утверждено к печати
Ученым советом Института философии и права СО РАН*

Рецензенты:

доктор философских наук *А.А. Гордиенко*
доктор социологических наук *Г.С. Солодова*
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*

Научный редактор: *В.Г. Костюк*

Абрамова М.А.

А 161 Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями / Науч. ред. В.Г. Костюк. Новосибирск: Параллель, 2016. 184 с.

ISBN 978-5-98901-187-2

В монографии представлены результаты исследования понятий: «картина мира», «мультикультурность» как свойство картины мира, «мультикультурализм» как стратегия аккультурации социальной группы и политика, осуществляемая государством в отношении регулирования межэтнического взаимодействия. В историческом контексте рассматриваются истоки формирования российской модели мультикультурализма, в том числе влияние на нее византийской модели. Ретроспективный анализ трансформации российской модели мультикультурализма позволил выделить ее характерные черты, которые эмпирически верифицированы результатами исследования динамики моноэтнических и межэтнических семей в России. На примере данных о влиянии типов семей на выбор молодежью аккультурационных стратегий, социальных дистанций, выстраивании ценностной иерархии и проекции этнических стереотипов в графических образах показано, что вступление в диалог различных этнических групп под влиянием мультикультурализма как стратегии межэтнического взаимодействия в России привело к их активному взаимодействию и взаимообогащению национальных и культурных традиций. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00194 а).

Для философов, социологов, культурологов, политологов, психологов и педагогов.

ISBN 978-5-98901-187-2

© Институт философии и права СО РАН, 2016
© Абрамова М.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Феномен мультикультурного восприятия мира	9
§ 1.1. Понятие «картина мира»: содержание, свойства, социокультурные функции	9
§ 1.2. Объективные и субъективные факторы формирования «картины мира»	24
§ 1.3. Мультикультурализм и «картина мира»	37
Глава 2. Российская модель мультикультурализма как идеология и политика	52
§ 2.1. Византизм как исток формирования российской модели мультикультурализма	52
§ 2.2. Интернационализм = Мультикультурализм советского периода?	70
§ 2.3. Парад суверенитетов — крушение идеологии мультикультурализма в России.....	88
Глава 3. Трансляция мультикультурности моноэтническими и межэтническими типами семей	99
§ 3.1. Влияние мультикультурализма на динамику этнически смешанных браков в России	99
§ 3.2. Влияние типа семьи на выбор индивидом стратегий межэтнического взаимодействия	122
§ 3.3. Формирование ценностной иерархии у детей из моноэтнических и межэтнических браков	140
§ 3.4. Графическая репрезентация образов потомками различных типов семей	150
Заключение	163
Список литературы	166

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях пересмотра и расстановки новых акцентов в истории развития государства вследствие усиления дезинтеграционных процессов возрастает актуальность поиска оснований для консолидации российского общества. В этой связи обращение к идее мультикультурализма, с одной стороны, является провокационным, поскольку Запад уже назвал ее утопической, подводя итоги лишь внедрению данной политики на территории своих стран. С другой стороны, сопоставление его опыта с результатами реализации российской модели мультикультурализма позволяет отказаться от экстраполяции этого вывода на Россию, поскольку принцип изоморфности неприменим в силу специфичности ее истории развития.

Данное противоречие подвигло нас к анализу специфики формирования и развития российской модели мультикультурализма, выявлению эмпирических свидетельств ее влияния на граждан страны, в частности на молодежь, на основе использования социокультурного подхода.

Проблемы формирования национальной политики, в том числе, явлений мультикультурализма и поликультурализма, затрагивались многими исследователями. Изучению проблем истории межнациональных отношений, роли этнического фактора в государственном строительстве посвящены работы Р.Г. Абдулатипова¹, Г.В. Атаманчука², А.И. Вдовина³, М.Н. Губогло⁴, Л.Н. Гумилева, А.Ф. Дашдамирова⁵, Л.М. Дробижевой⁶, К.В. Калининой⁷, А.А. Мацнева⁸, В.А. Михайлова⁹, В. Муко-

¹ См.: *Абдулатипов Р.Г.* Историческая многонациональность в России: политика, мораль, управление. М., 1999; *Абдулатипов Р.Г.* Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М., 2001; *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

² *Атаманчук Г.В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996.

³ *Вдовин А.И.* Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторический и концептуальный аспекты). М., 1993.

⁴ *Губогло М.Н.* Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. М., 2010.

⁵ *Дашдамиров А.Ф.* Этнические проблемы в социально-политическом контексте // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 193–202; *Дашдамиров А.Ф.* Национальная идея и этничность. М., 1996.

⁶ *Дробижева Л.М.* Этничность в современной России, этнополитика и социальные практики // *Этнопанорама*. 2002. № 1. С. 1–9.

⁷ *Калинина К.В.* Национальные отношения в СССР: история и современность. М., 1991; *Калинина К.В.* Национальные меньшинства в Российской Федерации. М., 1993.

⁸ *Мацнев А.А.* Этнополитические конфликты и проблемы геополитики // Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 1997. С. 158–173.

⁹ *Михайлов В.А.* Национальная политика России как фактор государственного строительства. М., 1995.

меля¹⁰, Л.Р. Низамовой¹¹, В.А. Тишкова¹², А.А. Чичановского¹³ и др., позволяющие познавать и регулировать этнические, этнополитические процессы в современной России.

Позитивная роль мультикультурализма в решении проблем глобализации обоснована С. Бенхабиб¹⁴, Э. Гидденсом¹⁵, Г.А. Коротким¹⁶. В работах Н.М. Лебедевой¹⁷, О.В. Луновой, Т.Г. Стефаненко¹⁸ представлена значимость развития принципов мультикультурности в формировании культуры межнационального взаимодействия. Основную задачу мультикультурного образования как формирование мультикультурной компетентности, которая есть знание культуры собеседника и шкалы его ценностей, обосновывает М. Клас¹⁹. Анализ использования концепта мультикультурности в высшем образовании и культурной политике США и Австралии представляют Д. Сакс²⁰, П. Эткинсон²¹.

А.И. Куропятник рассматривает роль мультикультурализма как идеологии и политики, обуславливающей стабильность полиэтнических обществ²². С.М. Федюнина представляет социологическую концептуализацию мультикультурализма как политики и социальной практики межкультурных взаимодействий в трансформирующемся обществе²³. Мы солидарны с мнением исследователя, что политика стран, принявших

¹⁰ *Межнациональное согласие в региональном контексте.* [Электронный ресурс]. ИНАБ. № 2. 2015. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4181&printmode> (дата обращения: 07.07.2016).

¹¹ *Низамова Л.Р.* Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, Кн. 4. С. 222–233.

¹² *Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2001.

¹³ *Чичановский А.А.* За чертой полета (нации и народы после развала СССР). М., 2000.

¹⁴ *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2005.

¹⁵ *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

¹⁶ *Короткий Г.А.* Мультикультурализм как социо-культурная парадигма эпохи глобализации. Дисс. канд. филос. н. М., 2012.

¹⁷ *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993; *Лебедева Н.М.* Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.

¹⁸ *Лебедева Н.М., Лунова О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003.

¹⁹ *Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире.* М., 2003.

²⁰ *Sacks D.O.* The Diversity Myth: «Multiculturalism» and the Politics of Intolerance at Stanford. Oakland, California, 1995.

²¹ *Atkinson P.* A study of our decline. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.users.bigpond.com/smartboard/mltcult.htm> (дата обращения: 07.06.2016).

²² *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 2. С. 53–66; *Куропятник А.И.* Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб., 2003. С. 126–150.

²³ *Федюнина С.М.* Социокультурные различия и взаимодействия: концептуальные основания мультикультурализма в современном обществе. Саратов, 2006.

доктрину мультикультурализма (США, Великобритания, Франция, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), предполагала официальное признание параллельного существования различных этнических групп внутри государства и создание государством благоприятных материальных и правовых условий для этого²⁴. Декларируемые принципы демократического общества — толерантность и уважение к правам других — при реализации данного понимания мультикультурализма как стратегии управления не всегда способствовали достижению задачи по гармонизации межэтнических отношений, что в результате и привело к обострению отношений между этническими группами в условиях массового притока беженцев и мигрантов. Плюрализм в социальной и политической жизни, выступающий необходимым принципом существования либерального общества (Ч. Кукатас²⁵, У. Кимлика²⁶), не обуславливает его консолидации, а лишь способствует формированию норм общежития и выстраиванию социальных дистанций в уже существующем сообществе. Лавинообразные изменения в этнической, политической и экономической жизни общества продемонстрировали неустойчивость реализованной модели, которая не обладает действенным механизмом предотвращения конфликтов и противостояний внутри государства. Мы полагаем, что причиной этого является долгое время государствами задач по интеграции этнических групп и созданию условий активного межэтнического взаимодействия, что привело к отсутствию социокультурного ядра, способного сплотить людей разных вероисповеданий, этничности, представляющих различные социальные и культурные группы.

В данном контексте интерес представляют результаты исследований, затрагивающих мультикультурализм не только как политику, регулирующую отношения в государстве, но и как характеристику духовной жизни общества, как стратегию его интеграции: С. Бенхабб²⁷, В. С. Малахов²⁸, О.А. Митрошенков,²⁹ Э.А. Паин³⁰, В.В. Савельев³¹, С. Хантингтон³² и др.

²⁴ Федюнина С.М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дис. ... докт. социол. н., Саратов, 2008. С. 22.

²⁵ Kukatas Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalis>. (дата обращения: 18.01.2015); Kukatas Ch. Vsyakaya kul'tura sluzhit, prezhde vsego, adaptatsionnym mekhanizmom / Kruglyi stol «Vazhna li kul'tura dlya razvitiya». 26.05.2010. (doklad). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/anons/4755> (дата обращения: 18.01.2015).

²⁶ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995; Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. Oxford, 2001.

²⁷ Бенхабб С. Притязания культуры, равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.

²⁸ Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформации постсоветских обществ. М., 2002.

²⁹ Митрошенков О.А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 37–46.

³⁰ Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k_voprosu_o_krakhe-multikulturalizma-v-Europe (дата обращения: 12.06.2016).

³¹ Савельев В.В. Культура как важнейшее условие формирования межэтнических толерантных отношений // Толерантность — основа взаимопонимания. М., 2004. С. 56.

³² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

И все же, несмотря на определенные теоретические разработки и попытки их применения в практике социального регулирования, проблема мультикультурализма остается пока на периферии отечественной науки и политики.

Полагая, что в ней содержится значительный эвристический потенциал, в данной работе мы поставили весьма скромную в масштабах глобальности научной проблемы цель: прояснить сущность мультикультурализма как социокультурного феномена.

Для ее достижения последовательно решены следующие задачи:

- проанализирована взаимосвязь содержания явлений «картина мира» и «мультикультурализм»;
- рассмотрены различные типы (модели) мультикультурализма;
- дан анализ специфики российской модели мультикультурализма как идеологии и политики, ее истоков и исторической динамики на различных этапах российской истории — имперском, советском, постсоветском;
- исследована, в том числе на основе применения комплексных социологических, социально-психологических и проективных методик, трансляция мультикультурности в современной России одним из социальных институтов — семьей и ее различными типами.

Специфичность истории становления России как государства, преемственность византийской модели государственного управления, в том числе модели организации межэтнического взаимодействия, развитие идеи синтеза восточной и западной культур, представленного в концепции евразийства, — все это способствовало в первую очередь выработке действенного механизма по интеграции народов, при сохранении этнического многообразия населения.

Одной из составляющих данного механизма, раскрываемой на эмпирическом уровне в работе, стал феномен межэтнической семьи как формы существования социального института, выполняющего функцию адаптации пришлого и коренного населения, трансляции ценностей и инкультурации личности. Основные тенденции этнических взаимодействий проявляются в аккультурационных стратегиях индивидов и групп — установках и процессах интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации. Оптимальным для российского общества является процесс межэтнической интеграции, ведущий к сохранению этнической и одновременно — российской идентичности, а наиболее нежелательными, содержащими угрозы его целостности и устойчивости, — процессы сепарации и маргинализации. Сепарация исходит из приоритета этнического над общегосударственным и в пределе ведет к ограничению межэтнического взаимодействия, а маргинализация базируется на игнорировании и этнического, и общероссийского.

Проведенные нами в республиках Саха (Якутия), Хакасия и Тыва комплексные междисциплинарные исследования молодежи создают определенную базу для типологизации семей и кросс-культурного изучения роли различных типов российских семей в процессах межэтнических взаимодействий, а тем самым — для социального прогнозирования и регулирования этносоциальных процессов и проведения научно обоснованной семейной политики в России, на что и направлен реализуемый нами проект «Влияние типа семьи на межэтническую интеграцию в современной России».

В данной работе по результатам конкретного социально-психологического исследования в республиках Саха (Якутия), Тыва и Хакасия сделана попытка сопоставле-

ния влияния моноэтнических и межэтнических семей на формирование установок молодежи при выборе брачного партнера, аккультурационной стратегии и иерархии ценностей.

Инструментариями обследования выбраны социологическая анкета, социально-психологическая методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца, психологическая методика изучения индивидуально-типологических особенностей личности Л.Н. Собчик, а также проективные методы исследования. Одним из свидетельств формирования мультикультурной картины мира являются графические репрезентации, отражающие неотрефлексированные ассоциации на темы «культура» и «этнос», анализ которых мы также затрагиваем в данной работе.

Каждый из респондентов опрашивался, как правило, по всем трем основным методикам. В Республике Саха (Якутия) опрошено 3541 человек, в Республике Хакасия — 1713 человек, в Республике Тыва 668 человек в возрасте от 15 до 25 лет. Для сопоставления по типам семей выбраны те респонденты, которые указали национальность своих родителей. Опросы проведены в средних общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также в колледжах и высших учебных заведениях и их филиалах в республиках.

При компьютерной обработке материалов массового опроса интегрированы показатели всех методик. Разработчик модели интеграции базы данных по социологическим и психологическим методикам, а также модели по прогнозированию динамики доли этнически смешанных семей — Г.С. Гончарова.

Материалы представленной монографии являются лишь первым этапом обобщения полученных результатов исследования коллектива, участвующего в проекте № 15-03-00194а РГНФ «Влияние типа семьи на межэтническую интеграцию в современной России»: М.А. Абрамовой, А.М. Алмакаевой, В.Г. Костюка, Г.С. Гончаровой, Л.Я. Савельева.

Особую признательность автор выражает Л.М. Дробижевой, высказавшей ценные предложения по структуре работы. Автор признательна докт. соц. наук Г.С. Солодовой, докт. филос. наук А.А. Гордиенко, докт. ист. наук Н.Н. Аблажей за внимательное прочтение рукописи монографии и за ценные замечания, позволившие уточнить определенные выводы и сохранить логическую стройность изложения материалов исследования.

Автор надеется, что публикация встретит заинтересованный и критический отклик у читателей — специалистов в данной области, в смежных областях науки или просто у тех, кто интересуется вопросами мультикультурализма в современной России, а также влияния на этот процесс семьи как транслятора ценностей культуры.

ГЛАВА 2

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

§ 2.1. Византизм как исток формирования российской модели мультикультурализма

Рассмотренная в главе 1 схема Дж.В. Берри, разработанная на основе учета двух факторов, позволяющих определить доминирующий тип аккультурационной стратегии у индивида и тип организации межэтнического взаимодействия на уровне государства, является не единственным примером. Более усложненную схему представил Ч. Кукатас, разработавший классификацию вариантов реакции на феномен многообразия, где учитываются отношение государства к интеграции различных народов в общество и его позиция в плане участия различных народов в жизни государства (рис. 4).

На одном полюсе стоит лишение государством входящих в его состав культурных меньшинств или сообществ права стать частью общества, отказывая им в возможности интеграции. К той же категории относится и вариант, когда посторонним не позволяют стать членами общества, закрывая им доступ в страну или высылая из нее представителей меньшинств. Противоположная крайность связана с тем, что власти требуют от определенных групп интеграции в общество, даже если они сами этого не желают, или предписывают им участие в жизни государства вопреки их воле. По

ИНТЕГРАЦИЯ	Обязательна	Интервенционизм		Ассимиляторство		Империализм
	Поощряется		Не поддерживают ЛИБЕРАЛЬНЫЙ мягкий (центристская концепция) МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ Консерваторы		Жесткий	Миллетизм
	Воспринимается терпимо	Метекизм			Радикалы	
	Сдерживается					
	Запрещается	Изоляционизм		Апартеид		Рабство
	Запрещается	Сдерживается	Воспринимается терпимо	Поощряется	Обязательна	
УЧАСТИЕ						

Рис. 4. Реакции на проблему многообразия²⁴⁶

²⁴⁶ Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism> (дата обращения: 17.06.2016).

мнению Ч. Кукатаса, политическая система не обязательно должна прибегать к крайностям. Она может также сдерживать или поощрять интеграцию либо попросту терпимо относиться к тем, кто желает интегрироваться, не создавая ни стимулов, ни препятствий. Столь же умеренной может быть реакция государства на желание людей участвовать в общественной жизни²⁴⁷.

Не идеализируя историю России как государства, осознавая противоречивость существующих оценок многих исторических этапов формирования российской нации, необходимо все-таки отметить, что не только православие, но и традиции управления страной во многом были позаимствованы у Византийской империи. Как пишет Г.Г. Литаврин, «...официальная государственная доктрина на Руси, как и в самой империи..., опиралась на учение восточнохристианской церкви... Неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде. Они должны были усвоить ее целиком, вместе с учением о верховной государственной власти, которое содержалось в ней как ее неотъемлемый атрибут...»²⁴⁸. Продолжительное взаимодействие с Византией способствовало формированию политической доктрины Древней Руси и отчасти обусловило сохранение национальной идентичности.

Как и многие другие страны, Россия в ходе истории много раз меняла свой курс внутренней политики, но в целом можно отметить, что данный вектор не достигал, следуя схеме Ч. Кукатаса, позиции запрета для различных этнических групп участия в общественной жизни. И в этом мы видим следование традициям мудрого правления, сформированным еще в Византийской империи.

Стремление Византии инкорпорировать другие общества в свой состав, распространяя на них собственные высокоинтегрированные структуры, выдерживалось в лучших тактических традициях Александра Македонского — толерантного отношения к разнообразным культурным укладам и традициям. Как отмечают В.П. Римский и О.В. Ковальчук, «в Византийской империи имела место основанная на веротерпимости и толерантности симфоническая цивилизационная модель диалога религиозной (церковной) и светской, мирской культуры жителей»²⁴⁹. У истоков формирования данной модели стоял император Константин, который «рано понял, что христианство по своему основному учению соответствовало его собственной вере в единого Бога»²⁵⁰. Но несмотря на это, как отмечает В. Дюрюи, политика у Константина играла преобладающую роль: «Подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцию, Константин задался целью заставить жить в мире, один рядом с другим, старый и новый режим, благоприятствуя, однако, послед-

²⁴⁷ *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism> (дата обращения: 17.06.2016).

²⁴⁸ *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 471.

²⁴⁹ *Римский В.П., Ковальчук О.В.* Структуры повседневности православного человека и культурный диалогизм византийской цивилизации // Ученые записки Орловского государственного университета: Серия Религиоведение. 2009. № 1. С. 150.

²⁵⁰ *Duruy V.* Histoire des Romains. Vol. VII, Paris, 1886, p. 102. Цит по: *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов до 1081 г. Т. 1. [Электронный ресурс]. СПб., 1996. С. 6. // URL: <http://www.telecomlaw.ru/studyguides/Bishistory.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).

нему. Он понял, в какую сторону шел мир, и помогал этому движению, не ускоряя его. Слава этого государя заключается в том, что он оправдал название, которое начертал на своей триумфальной арке: *quietis custos* (страж покоя)»... «Мы попытались, — заключает В. Дюрюи, — проникнуть до глубины души Константина и нашли в ней скорее политику, чем религию»²⁵¹. Результатом мудрой политики правителей стал рост численности населения Византии, которая в период своего расцвета составляла шестую часть всего населения мира. Численность населения Константинополя в VI в. достигала около 1 млн человек.

За одиннадцать веков существования Византии ее внутренняя политика также претерпевала изменения: от культурной интеграции посредством мягкой ассимиляции проживающих на ее территории народов до предоставления свобод и прав различным этническим группам. Но главное отличие многонациональной Византии от национальных западных государств, постоянно пребывавших в состоянии конфликтов друг с другом (Венецианская республика, Франция, немецкие государства — все они были устроены по национальному принципу), состояло в том, что на протяжении столетий в единой империи, цементирующей единой идеологией (в основе которой лежали традиции Православия), не существовало жесткого деления по национальному признаку на сирийцев, армян, греков и т. д. Так, современник Византии, историк Прокопий, описывая социальную структуру константинопольского общества, выделял группы на основании рода деятельности: сенаторы, духовенство, чиновничество, военные, риторы, философы, адвокаты, учителя²⁵². В более сжатом варианте данная социальная структура в его интерпретации состояла из двух групп — народ и сенат²⁵³.

Национальная идея Византии — преемственность традиций Римской империи («Константинополь — Новый Рим»). Византийцы называли свою страну Романией, а себя — ромеями. Василевс — помазанник божий — обладал безграничной властью, поэтому церковь, несмотря на идеологию государства, базирующуюся на приверженности христианству, не управляла делами страны. В ее функции большей частью входило духовное просвещение народа, упрочение идеологии «Романии» и поддержание веры во власть Василевса. Поэтому лишь в период упадка ее авторитета, с последней четверти XI столетия, стали высказываться сомнения и в авторитете правителя, что скорее являлось свидетельством усиления феодальной аристократии.

Как отмечает Ш. Диль: «Византийская империя не обладала ни единством расы, ни единством языка; это было, по словам одного ученого, “искусственное творение, руководившее двадцатью различными национальностями и объединявшее их по известной формуле: один государь, одна вера”. Замечательным достижением администрации было превращение этого многонационального государства в сплоченный

²⁵¹ *Dury V. Histoire des Romains. Vol. VII, Paris, 1886, p. 86, 88, 519–520.* Цит по: *Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов до 1081 г. Т. 1.* [Электронный ресурс]. СПб., 1996. С. 6. // URL: <http://www.telecomlaw.ru/studyguides/Bishistory.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).

²⁵² *Caesariensis Procopii. Opéra Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1964. Vol. III. Historia arcana, XXVI. 2–26.*

²⁵³ *Caesariensis Procopii. Opéra Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1964. Vol. I. A. De Bello Persico. I. 24. I.*

и единый организм посредством всеобщей эллинизации и повсеместного исповедания православия»²⁵⁴. В этой связи описание историко-культурных типов мультикультурализма, которое выполнил Г. Тёрборн, является весьма спорным. Так, все империи и государства XIX в. им были отнесены к типу досовременных, о которых автор пишет, что «несмотря на дискриминацию и периодическое преследование неимперских религий, здесь редко предпринимались серьезные попытки утверждения религиозного единообразия»²⁵⁵.

Но как культура нашего времени, так и стили правления, вырабатываемые ею, определяются тем, что было заложено в истории государств в прошлом. Различия современных «Западных» и «Восточных» государств Европы обусловлены культурными линиями, сформировавшимися еще в раннем Средневековье, которое называют «веком церковей». То, как мы сегодня по-разному воспринимаем мир, как относимся к себе и обществу (государству), наш образ мышления, система ценностей имеют глубокие корни в институтах, сформировавших Европу, и мы согласны с П.Н. Воге, что одним из главных факторов стали разные пути, по которым пошли в своем развитии христианские церкви²⁵⁶.

В случае с Византией, а впоследствии и с Россией, именно религия выступала той скрепляющей основой, которая позволила сформировать национальную идею «Романии». Чтобы понять различие западного и восточного стилей правления, закладывавшееся еще в эпоху формирования западной и восточной церковей, мы обратились к яркому примеру, приведенному П.Н. Воге²⁵⁷, иллюстрирующему разницу в концепциях понимания природы Христа: «При первой встрече между Римом в лице Понтия Пилата и христианством в лице Христа, “Что есть истина?” — спрашивает Пилат Христа, а затем восклицает, указывая на Него: “Се, Человек!”»²⁵⁸. В противоположность этому образу, несколько ниже в том же Евангелии говорится о «некоторых эллинах», которые приходят к апостолу Филиппу и говорят: «Господин, нам хочется видеть Иисуса». Услышав желание пришельцев, которые позднее станут основателями византийского мира, Иисус произносит: «Пришел час прославиться Сыну Человеческому»²⁵⁹.

Эти два фрагмента передают главное различие между обожествлением Христа в восточном и материализацией его в западном понимании, а значит, и теми основаниями, на которых издревле формировались восточная и западная европейские куль-

²⁵⁴ Диль Ш. История Византийской империи / Пер. с фр. А.Е. Рогинской. М, 1948. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Diehl_Ist/05.php (дата обращения: 12.06.2016).

²⁵⁵ Тёрборн Г. Мультикультурные сообщества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 53.

²⁵⁶ Воге П.Н. Восток — Запад, но где Европа? О различиях и особенностях западной и восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2002. № 1. С. 122.

²⁵⁷ Воге П.Н. Восток — Запад, но где Европа? О различиях и особенностях западной и восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2002. № 1. С. 122.

²⁵⁸ Евангелие от Иоанна 5, 18, 19, 38. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/jn> (дата обращения: 12.06.2016).

²⁵⁹ Евангелие от Иоанна 12, 20–23. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/jn> (дата обращения: 12.06.2016).

туры. В византийской церкви «Сын человеческий» действительно был прославлен, а вместе с ним и сама церковь, община, обряд богослужения и, конечно же, — Василевс. Этот факт объясняет, с одной стороны, большое значение православия в утверждении власти и силы Василевса, в признании доминирования групповых интересов над личными в обществе, а с другой, вносит понимание подчиненного положения христианской церкви в Византии, которая обращалась к Василевсу как помазаннику Божьему на Земле. В этом также кроется причина формирования трепетного отношения ко всем правителям в истории наследницы византийской культуры Руси, России и даже СССР.

В православии все мирские объекты и институты часто воспринимаются в свете абстрактной вечности. Основная идея в том, что человек как существо индивидуальное не находит высокое признание на земле. Жизнь и судьба индивида зависит от жизни и судьбы его ближних. «Если кто оступится и упадет, он падает в одиночку, но в одиночку не дано спастись никому», — пишет русский православный мыслитель А.С. Хомяков, обосновавший «соборность» как главную черту российской культуры, отражающую в органичном сочетании единство и свободу. По его мнению, соборность является одним из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой является Россия: «Запад не сумел создать такого мощного государства, как Россия, объединенного на духовных началах, потому что он не достиг соборности, а для объединения народов вынужден был использовать прежде всего насилие. Католические страны обладали единством без свободы, а протестантские — свободой без единства»²⁶⁰.

Абсолютные ценности, которые сформировали национальную идею Византии, — Бог, Василевс, Романия — трансформировались в России в девиз «за Бога, Царя и Отечество». Таким образом, известная формула «Православие, Самодержавие, Народность» возникла не на пустом месте, а отражала соборные ценности русского народа, возникшие еще в глубокой древности и отчасти унаследованные от Византии, в том числе и в отношении различных типов идентификации: «В вопросах веры, — писал А.С. Хомяков, — нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом; где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора»²⁶¹.

В результате зародилась уникальная характеристика картины мира православного человека. Как метко подмечает П.Н. Воге, с западной точки зрения мы перешли из «первого лица единственного числа» в «первое лицо множественного числа», что обусловило формирование сознания, при котором естественно прославление идеального мира, а не заострение внимания на деталях. Таким образом, индивида подготавливали к осознанию важности формирования в первую очередь ценностей внутреннего мира, а не внешнего, а лейтмотивом его идеальной модели поведения в обществе должна была стать любовь к ближнему как образу и подобию Бога на земле.

²⁶⁰ Хомяков А.С. Собор, соборность, приход и пастырь. Саратов, 1996. (Перепечатано с издания «Религиозно-философской библиотеки», 1917).

²⁶¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. В 4-х т. Т. 2. Прага, 1867. С. 217.

В этой связи неважно, кто был этот «другой», в том числе и по этнической идентификации. Главное, что он был «братом» по вероисповеданию. И даже другая конфессия воспринимались не как грех, а как существующее отличие, следование традиции воспитания в семье или как простое заблуждение по принципу недостаточной просвещенности. «По самой своей природе, — писала Анна Комнин, — империя — владычица других народов»²⁶². Если они еще не христиане, то империя непременно «просветит» их и будет управлять ими; если они уже христиане, то являются членами ойкумены (цивилизованного мира), во главе которой стоит империя. Ойкумена — иерархическое сообщество христианских стран, и место каждого народа в ней может определить лишь ее глава — император²⁶³.

Умелая пропаганда эллинской культуры в сочетании с искусством мягко ассимилировать побежденные народы, оставляя им свободу сохранения своих традиций и даже религии, дала возможность имперской администрации в Византии привести к интеграции разрозненные социокультурные и этнические группы в единую сильную монархию. Свидетельством успешности данной политики является длительность ее существования, обширность территорий, входящих в ее состав в разные исторические периоды.

Конечно, нельзя отрицать, что внутренняя политика не была ровной во все этапы существования империи. Так, в период правления Юстиниана отношение к еретикам постоянно менялось от терпимости к преследованию, но необходимо помнить, что отчасти это было связано как с внутренними проблемами в стране, приводящими к восстаниям, так и внешними задачами, которые преследовала империя. И если бы для внутренней политики Юстиниан выбрал мягкую и осторожную стратегию в отношении религиозного инакомыслия, которую предлагала его супруга Феодора, защищая монофизитов, то вполне вероятно, что и период его правления воспринимался бы более позитивно, хотя те преобразования в области законодательства, которые он ввел, фактически послужили основой для развития и процветания монархии.

Другим механизмом объединения в Византии стало распространение греческого языка, который был языком администрации, церкви, просвещения. Фактически в этой космополитической империи он принял статус национального языка. Аналогия с тактикой правления в Российской империи очевидна. Г. Тёрборн, обращая внимание на «этнокультурный национализм, существующий в теории и практике немецкой и славянской традиции начиная с Гердера и далее»²⁶⁴, отмечал, что центральной являлась идея национального самовыражения и самоопределения, причем нация понимается в данном случае как специфическое этнокультурное сообщество, изначально и наиболее часто определяемое наличием общего языка.

В отношении последнего хотелось бы не согласиться, поскольку как в Византии, так и в России всегда проживали одновременно много различных этнических групп, которые сохраняли свои языки, и это не мешало их национальному самоопределению. Так, до конца XII столетия Византийское государство было, выражаясь современно

²⁶² *Комнин А.* Алексиада. М., 2010. С. 87.

²⁶³ *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. М., 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

²⁶⁴ *Тёрборн Г.* Мультикультурные сообщества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 65–66.

менной терминологией, мультикультурной страной, в которой незнание или плохое знание греческого языка было вполне естественным и даже не влияющим на идентификацию себя с «ромеями». Лишь те, кто не являлись православными христианами, как, например, подвластные империи арабы-мусульмане в малоазийских пограничных районах, язычники (печенег и половцы) на Балканах, евреи на Пелопоннесе и в столице, армяне-монофизиты Фракии, не признавались «ромеями»²⁶⁵, что не мешало им оставаться подданными императора.

Идентификация с гордым званием «ромей» обеспечивала представителю любой этнической общины, необязательно греку по рождению (этническая идентификация стала учитываться лишь в период упадка Византийской империи, при усилении феодальной аристократии), возможность сделать карьеру и упрочить свое положение в обществе. Г.Г. Литаврин приводит в пример Ливелия, происходившего из Антиохии, который «испытал» воспитание «ассирийское» (сирийское) и «ромейское», но с удовлетворением стал ромеем²⁶⁶. Повелитель Атталии Алдебрандин, родом италиец, по воспитанию и складу ума, с похвалой замечает Никита Хониат, являлся ромеем²⁶⁷.

«Византизм», названный А.П. Рудаковым «интернационально-космополитическим эллинизмом», позволил направить в русло единой культуры «общенациональные» и местные формы жизни, вызвать у жителей империи гордое сознание принадлежности к одному целому, к великой монархии, к подлинно цивилизованному миру, обеспечившему всем покой, благосостояние, правую веру и эллинское просвещение²⁶⁸.

Как отмечает Г.Г. Литаврин: «Подавление самобытной культуры покоренных народов и внедрение культурно-этических норм господствующей народности (т. е. эллинизация, или ромеизация) далеко не всегда была сознательно направляемым властями процессом (исключением являлось лишь отношение к иноверцам)»²⁶⁹. Ромеизация была национальной идеей, пронизывающей весь уклад жизни и организации власти в империи. Интеграция, иногда переходившая границы, в результате чего использовались ассимиляционные механизмы, стала одним из механизмов продвижения национальной идеи.

Частные случаи ромеизации во многом зависели от этнической и конфессиональной доминанты окружения. Конечно, если инородец попадал в окружение греков, единственным выходом для него оставалась аккультурационная стратегия по типу ассимиляции, но также необходимо помнить, что многочисленными этническими груп-

²⁶⁵ Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

²⁶⁶ Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

²⁶⁷ Attal P. 111; Nic. Chonioy, P. 842. Цит. по: Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

²⁶⁸ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 45.

²⁶⁹ Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

пами на территории Византии были арабы, сирийцы и евреи, которые сохраняли и свои традиции, и свою религию.

В рамках межэтнического взаимодействия поведение каждого индивида обуславливалось соотношением индивидуального и (или) группового интересов, с которыми он считался и руководствовался в своих действиях. Это соотношение зависело от социокультурных условий, индивидуально-психологических особенностей личности, жизненного этапа, на котором субъект находился. Поэтому проводить прямые параллели между конкретным выбором индивида и реализуемой государством политикой не всегда корректно. Так, Чандрани Кукатас приводит в пример Францию как тип государства, которое терпимо относится к приезжим, не стараясь навязывать им участие в общественной жизни, но в то же время требует от всех членов общества полной культурной интеграции, относя его к «ассимиляторскому»: «там допускается этническое разнообразие, и в то же время от граждан достаточно жестко требуют соблюдения ряда французских традиций: по сути, они должны стать французами»²⁷⁰.

Аналогия с политикой Византии в данном случае неуместна, поскольку в основе национальной идеи государства «ромеев» не был заложен этнический принцип, как и обязательное следование традициям греческой культуры. Механизм единения, разработанный в Византии, скорее можно было бы отнести к духовно-административному, когда идеология православия и принципы административного управления были взаимообусловлены. И влияние данного механизма определялось не только тем, насколько сильно верил человек, в каких традициях он воспитывался, но и тем, к какому социальному слою он относился, какие имел притязания для своего развития. Таким образом, соотношение индивидуального и коллективного определяло успешность или неэффективность проводимой идеи «Ромейского» государства.

Так, например, на территориях крупных пограничных провинций, населенных иноплеменниками (Болгария, Иверия, Армения), идея эллинизации наталкивалась на стойкое сопротивление. Как отмечает Г.Г. Литаврин, «чрезмерное давление на обширные этнически однородные массы, сохранившие собственные культурные традиции и общественную память о не столь давней государственной самостоятельности, приводило к взрывам народно-освободительной борьбы. В данной ситуации как раз был задействован принцип ориентации на внутриэтнические связи, когда индивид, находясь в полиэтничном обществе, не учитывает действующее в стране законодательство. Результат получался обратным желаемому; убыстрялся процесс не консолидации, а этнической дезинтеграции»²⁷¹. Но даже эти попытки отстоять свой суверенитет не мешали проникновению элементов греческой культуры в культуры не только народов, проживающих в пограничных областях, но и буферных княжеств, и эмиратов, в результате чего границы империи были «размыты».

Сама специфика политического положения буферных княжеств, часть из которых находилась в зависимости от Византии, другая — в полузависимости, кто-то в союзе, были и те, кто находился в состоянии постоянной вражды, способствовала формированию особенностей мировосприятия населения этих территорий, находившихся под

²⁷⁰ Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism> (дата обращения: 17.06.2016).

²⁷¹ Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 47. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_l/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

влиянием доминантных культур сильных «соседей», что не всегда способствовало четкому пониманию и осознанию своего подданства. Так, упоминается поэма о Дигенисе Акрите, в которой воспеваются его отец — арабский эмир, доблестный и благородный воин. Но интерес вызывают братья-христиане, разыскивавшие плененную арабами сестру Дигениса Акрита, которые с тактом и уважением упоминали о религии этого эмира (исламе), при этом говорили они на арабском языке, а эмир говорил на греческом. В Северной Фракии и в Македонии, в контактной зоне, греческое население, примыкавшее к ней с юга, подвергалось серьезному славянскому влиянию, а славяне соседних с греками районов испытывали сильное воздействие греческой цивилизации²⁷².

Таким образом, несмотря на классовые и сословные противоречия, этническую пестроту населения, выкристаллизовывалось «ромейское самосознание», ставшее основой культурно-религиозного единения Византии. Как писал А. П. Рудаков, «ромейское самосознание»²⁷³ гораздо более сложное и емкое, чем самосознание сугубо этническое. Оно было свойственно не только греческому, но и значительному большинству романизированного иноплеменного населения империи; не только господствующим и привилегированным, но и самым широким демократическим кругам. Простейшая «истина» — мысль об «избранном Богом» народе ромеев — бессознательно усваивалась с детства как один из символов православия. Сознание безусловного превосходства над жителями других стран стало второй натурой ромея.

В результате утверждения идеи единения империи, имевшей надэтнический характер, гражданская идентификация в иерархии самоидентификаций занимала лидирующее положение. Этническая идентификация также имела большое значение как определение истоков, традиций воспитания и возможных путей развития индивида, но она не выполняла сегрегирующую функцию в обществе.

Таким образом, мы можем утверждать, что в Византии была успешно реализована модель мультикультурного общества, в основе которой лежала национальная идея «Романии», успешно поддерживавшаяся церковью и администрацией Византии на протяжении девяти веков. Даже возникающие этнические конфликты разрешались путем законодательной деятельности²⁷⁴. Лишь последние два века, когда Православная церковь утратила свой авторитет, а феодальная аристократия усилила свои позиции, приведшие в том числе и к повышению внимания к этническому происхождению «ромея», в результате можно охарактеризовать как период отхода от идеи «мультикультурализма» и переход к поликультурному обществу, что фактически привело к дезинтеграции империи.

Как отмечает Г. Тёрборн: «Мультикультурализм может ужиться с национализмом только при условии, что будет подчинен принципу и требованиям национального

²⁷² Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 47. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/12_1/it/avrin_01.htm (дата обращения: 07.07.2016).

²⁷³ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

²⁷⁴ Калашиников В.Д. Субъективные факторы и объективные условия устойчивого развития общества (на материалах Византии и древней Руси): Дисс. ... докт. филос. н. Красноярск, 2003. С. 249.

единства перед лицом национальных задач на мировой арене»²⁷⁵. Но, по всей вероятности, частные интересы феодальной аристократии, внешнее давление стран, желающих захватить несметные сокровища Византии, религиозная смута последних двух веков, вызванная подписанием Унии, послужили причинами утраты ромейцами веры в исключительность своего государства и снижения роли гражданской идентификации, на фоне которой произошел подъем в иерархии идентичностей — этнической, и все это в конечном итоге привело к утрате национального единства.

На примере Византии мы можем убедиться, что мультикультурная модель, успешно претворенная в жизнь, позволила не просто выстроить диалог между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, личностью и обществом в целом, а создать общее коммуникационное пространство, которое при учете всех этнокультурных особенностей индивидов и групп являлось тем не менее надэтническим.

Основной принцип, заложенный в модели мультикультурализма, предложенный Византией, — универсализм: важным являлось не то, что разъединяло граждан, а то, что их объединяло. Именно это и стало основой формирования национальной идеи. В данном конкретном случае объединяющей стала идея «Ромейского» государства, основанная на ценностях православия. И хотя конфессиональная идентификация влияла на включение в социокультурную группу «ромеев», но она не ограничивала причисление индивида к поданным Василевса, а значит, к гражданам Византии.

В то же время данная модель мультикультурализма не обозначала тотальной толерантности, терпимости ко всем без различия. Мультикультурализм давал право на самоопределение, но только если самоидентификация человека не нарушала прав других и законов империи. В этом отношении византийская модель политики мультикультурализма стала политикой двойного компромисса: между групповыми и государственными интересами, а также между интересами группы и личности.

Формирование российского государства также было связано с достаточно пестрой этнокультурной и этнолингвистической картиной. Народы, проживавшие в V–X вв. на Восточно-Европейской равнине, относят большей частью к славянским племенам, а их язык лингвисты именуют древнерусским. Но необходимо отметить, что в состав формировавшейся народности входили многие финские и балтские племена, которые к этому времени обрусели. С X в. происходит формирование единого древнерусского дружинного сословия, культура которого имела и славянские, и скандинавские, и финские, и степные (хазарско-венгерские) элементы. Традиции дружинников значительно отличались от культуры окружающего земледельческого населения. Зарождающееся купеческое сословие формировалось из представителей разных племенных образований, что также способствовало созданию единой этноязыковой среды Древней Руси²⁷⁶.

Как полагает О.Н. Трубачев, уже дописьменный древнерусский язык имел сложный лексический состав и включал «высокую лексику» (понятия Бог, вера, душа, рай, святой, грехи и т. п.), что обеспечивало возможность адекватного перевода религиозной терминологии с греческого языка. Древнерусский язык «не под-

²⁷⁵ Тёрборн Г. Мультикультурные сообщества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 65–66.

²⁷⁶ Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 96.

давался» влиянию латиницы не потому, что был архаичнее других европейских языков, а благодаря «выбору веры» Древней Руси через союз с Византией²⁷⁷. Последнее обусловило также и то, что духовность играла более важную роль, чем экономика и политика. Этот нюанс в формировании взаимоотношений народа, церкви и правления имел некоторые отличия от Византийского, поскольку для нее взаимоотношения между государством и церковью скорее были дискуссионными в политической доктрине. А в Древней Руси такого противоречия, а тем более открытого конфликта не существовало²⁷⁸. Идея утверждения через княжескую власть христианства и принятие народом «божественной благодати» отразились и в представлении князя как хранителя правды на земле — проводника божьей воли. Илларион Киевский в «Слове о Законе и Благодати» объясняет это так: «...ибо благочестие его сопряжено было с властью»²⁷⁹.

Таким образом, влияние Византии на формирование политической культуры в Древней Руси проявилось в принятии двух основных положений: идеи божественного происхождения власти монарха и принципа универсализма, что отразилось в надэтническом характере формирования политической власти.

В.С. Соловьев, анализируя процесс «собирания славянского мира» вокруг России, отметил, что объединение славянских племен вокруг России стало возможно только при условии установления устойчивого равновесия между Западом и Востоком. «...Дело России — показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно Третий Рим, не исключаяющий первого, а примиряющий собою обоих»²⁸⁰. Как отмечает Д.В. Гудименко, представление России о своей значимости как буфера и посредника между Востоком и Западом с политико-культурными установками на терпимость и стремление к синтезу достижений Европы и Азии²⁸¹ также восходит к Византии.

В работах В.С. Соловьева «Россия» предстает как философская категория, одинаково включающая в себя лучшие черты западничества и славянофильства²⁸². В то же время невозможно проповедовать равенство и свободу различных народов, одновременно проявляя национализм. «Нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев». В.С. Соловьев писал: «Упраздняется не национальность, а национализм...; мы разли-

²⁷⁷ Савельева Г.Н. О европейских истоках русской культуры: междисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Культурология, искусствоведение, музеология». 2009. № 15. С. 80.

²⁷⁸ Танаушко Д.Н. Традиции Византии и процесс формирования политической культуры Древней Руси // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. 2008. Т. 4, № 1. С. 199.

²⁷⁹ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. [Электронный ресурс]. СПб., 1997. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4868> (дата обращения: 24.07.2016). С. 45.

²⁸⁰ Соловьев В.С. Русская идея. М., 1911. С. 23.

²⁸¹ Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. № 2. С. 157.

²⁸² Лобанов Н.А. Образ России в европейской культуре // Вестник МПГУ Серия «исторические науки» 2008. № 1 (22). С. 90.

чаем народность от национализма по плодам их»²⁸³ Только духовность, только отказ от применения насилия, только христианские заповеди спасут, по его мысли, Россию и принесут удачу в делах ее: «Одно только мы знаем наверное: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от своего национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины — она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних»²⁸⁴.

Другой русский историк, К.Д. Кавелин, также высказывался о характерной для российского общества надэтничности: «Особенность и сила русского народа в том именно и состоит, что он умеет, оставаясь сам собой, ужиться со всеми племенами, народами и верами. Таким сделала его история, географическое положение, культурный возраст, и дай Бог, чтобы в нем эта складка осталась навсегда! Космополит не по равнодушию, а по своей преобладающей практической и дипломатической натуре, русский народ не впутывает ни исповедных, ни племенных предубеждений в оценку людей, расположен извлекать пользу из их сильных и слабых сторон и, не имея высокой культуры, по одному верному и тонкому чутью действительности гораздо ближе, чем думают, к понятию о государстве как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разноверных народов»²⁸⁵.

К.Н. Леонтьев, введя термин «византизм» в 80-х гг. XIX в. как отражение специфики формирования социально-политической жизни России, подчеркивал особое значение для государственности православной церкви и царя: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии оно значит христианство»²⁸⁶. Но в то же время он пишет: «Россия чисто славянской державой никогда не была». Подразумевая значительные влияния восточных культур, отмечает: «западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее [России] культурный дух и ее государственную жизнь, стеснили ее славизм разными путями». Таким образом, Древняя Русь изначально оказалась в ситуации пересечения этнических потоков, идущих с Запада на Восток, и наоборот, что, с одной стороны, обусловило своеобразность исторической ситуации формирования традиций и ценностей российского культуры, а, с другой, стало еще одной из предпосылок заимствования князьями Древней Руси византийских политических установок в управлении.

Особенно актуальными в связи с последними событиями на Украине становятся пророческие слова К.Н. Леонтьева о том, что «Россия — планета со многими спутниками», страна «просторная, пестрая», тяготеющая к неудержимому расширению России в Азии: «расширение, которое не только не ослабевает, но, напротив, усиливается после всякого урона или разочарования нашего на Западе»²⁸⁷.

²⁸³ Соловьев В.С. Русская идея. М., 1911. С. 23.

²⁸⁴ См. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1989.

²⁸⁵ Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. М., 2012. С. 10.

²⁸⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001. С. 50; Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Записки отшельника. М., 1992. С. 452–500.

²⁸⁷ Леонтьев К.Н. Панславизм и греки. (Письмо) I // Восток, Россия и Славянство: филос. и полит. публицистика. М., 1996. С. 44.

Можно проследить цикличность возвращения к вопросу византийской детерминанты в развитии России, приобретающего особую остроту в переломные для российской истории эпохи: XVI в. — время становления идеологии московской государственности; XVIII в. — период правления Екатерины II, которая, в отличие от Петра I, пыталась не столько привнести европейский дух, сколько восстановить и закрепить исторические связи страны с греко-византийским наследием, в том числе путем завоеваний Россией территорий бывшей византийской периферии в Черноморье; XIX в. — отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г. Важно отметить, что происходит это именно в те исторические моменты, когда для решения создавшихся проблем становятся важны национальная самоидентификация и сильная централизованная власть.

Отмечая значимость для Российского государства в условиях взаимопроникновения культур Запада и Востока «сильного сосредоточия» государственной власти, К.Н. Леонтьев подчеркивает, что именно «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами... и грубым вначале славянским материалом»²⁸⁸. Необходимо подчеркнуть, что идея централизации власти имела византийские корни, но механизм реализации скорее все-таки был заимствован у Орды, что проявилось в доминирующем в России признании силы, а не закона, как это было характерно для реализации идеи самодержавия в Византии. А. Ахиезер отмечает: «Московское государство сложилось при отсутствии феодальной договорно-правовой среды, развитых торгово-ремесленных городских центров и национального рынка. В отличие от Монгольской империи, жившей данью с покоренных народов и доходами от торгового транзита, оно базировалось на собственной производящей экономике. Будучи, как и государство византийское, христианско-православным, оно, в отличие византийского, обходилось без юридически фиксированных прав частной собственности и профессионального бюрократического аппарата»²⁸⁹.

Усиление власти монарха тем не менее не означало отход от универсализма как основного принципа сосуществования народов в России. Идеология «Москва — Третий Рим» становится не просто идеологическим стержнем всей внешней политики России, но и фактором консолидации нации. В то же время сам факт осознания нацией преемственности по отношению к восточно-римской византийской цивилизации стал восприниматься Западом как попытка противопоставления западно-римской европейской цивилизации. Последнее обусловило развитие на Западе восприятия Византии и ее наследницы России как государств восточной деспотии.

Но в такой оценке оказываются единодушны не все исследователи. Так, Г. Тёрборн в описании доминирующих черт России как государства отмечает, что «поздние досовременные империи Романовых и Габсбургов отличались очень высокой сте-

²⁸⁸ См.: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1875. № 3. С. 107; Цит по: *Селиверстов С.* «Евразийская тема» в раннем творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 13 (114). С. 24.

²⁸⁹ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 205–206.

пенью мультикультурности. Например, в российской переписи 1897 года упоминается более 130 народностей, которые исповедовали все христианские и исламские религиозные деноминации, различные направления иудаизма, буддизма и так называемый анимизм»²⁹⁰. Окончание существования досовременных империй Г. Тёрборн связывает с Первой мировой войной. Но сами традиции мультикультурного существования в некоторых странах сохранились, и в том числе он упоминает «Коммунистический Советский Союз».

Его идею поддерживает П.Н. Воге, отмечая, что акцент на идеал, или на принципиальную сторону реальности «содействовал возникновению в России той культуры, которая более, чем западная, устремлена к вере и религиозности»²⁹¹. В то же время, проводя параллели с культурой Америки, он выделяет присущие России «заметные сходства с языческой римской империей, включая такие детали, как названия главных политических институтов», а также более глубокие факторы, например, та же важность роли, которую играют официальная система и юристы. В свою очередь наследница Византии, Россия, стала центром коммунистической сверхдержавы²⁹².

Не умаляя значение влияния Византии, необходимо отметить, что уникальность исторической ситуации формирования России состоит и в значимости влияния иных культур, и в роли внутреннего фактора, в том числе в особенностях социальной и экономической жизни русского народа. Принятие христианства Русью от Византии может восприниматься как аллегория крещению европейских княжеств и королевств. Но русские князья изначально не воспринимали себя в роли подданных Византии, о чем свидетельствуют истории их походов, крещение Ольги и женитьба Владимира Святославовича на сестре правивших в то время в Византии Василия и Константина принцессе Анне Романовне. Ослабление Византии и татаро-монгольское нашествие в XIII в. привело к постепенному прекращению политических и культурных связей с Византией и обусловило формирование собственной политической доктрины, которая с гибелью Константинополя получила свое воплощение в идеологеме «Москва — Третий Рим». В данной формулировке отражается притязание не только на восприятие России как центра православия, но и на преемственную связь с Византийской империей, что акцентирует геополитическое значение страны и важность выбора ею стратегии ближневосточной политики.

Принимая за основу «диалог культур» (Ю.М. Лотман) как важнейший принцип развития российской культуры, Д.С. Лихачев пишет: «Своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого»²⁹³. Это высказывание Д.С. Лихачева, переключаясь со взглядами историка и дипломата К.Н. Леонтьева, хорошо

²⁹⁰ Тёрборн Г. Мультикультурные сообщества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 54.

²⁹¹ Воге П.Н. Восток — Запад, но где Европа? О различиях и особенностях западной и восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2002. № 1. С. 119.

²⁹² Воге П.Н. Восток — Запад, но где Европа? О различиях и особенностях западной и восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2002. № 1. 122.

²⁹³ *Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура*. Киев, 1991. С. 91.

знавшего историю тюркского мира и взаимоотношений России с Византией, точно и глубоко передает идею диалога культур как решающего фактора в гармоничном и всестороннем развитии Российского государства. Мы согласны с другими исследователями в оценке наследия К.Н. Леонтьева, что византизм для него — это не только «идеальный тип»²⁹⁴ ушедшей цивилизации, но, по существу, «это основание концепции регионального мироустройства там, где Европа и Азия соседствуют и взаимодействуют друг в друга. “Византизм”, особенно если его воспринимать в паре с “великим туркизмом”, есть своего рода ранняя евразийская идея для босфоро-балканского региона»²⁹⁵.

Идея евразийской общности России объединила многих русских мыслителей. «Стихии азиатские и европейские перерабатываются в оригинальную Русскую цивилизацию», писал и П.Я. Чаадаев²⁹⁶. «Нет двух России — “европейской” и “азиатской”. Есть только одна Россия — “евразийская”, или Россия-Евразия»²⁹⁷ высказывал свою точку зрения Г.В. Вернадский. Сильная, централизованная власть, по мнению «евразийцев», являлась основным государствообразующим фактором, влияющим на все формы многонационального культурного творчества²⁹⁸. «Мы не только славяне и татары, мы наследники великого Востока (Византии). Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеси племен и рас нечто совсем свое, и совсем особенное»²⁹⁹. Но, подчеркивая геополитическое значение России, важно отметить, что также акцентировалось внимание и на надэтническом характере формирования духовной культуры. Так, А.И. Герцен подчеркивает, что «мы безразличны к расовой чистоте, это нисколько не мешает нам быть вполне славянами. Мы довольны тем, что в наших жилах течет финская и монгольская кровь; это ставит нас в родственные, братские отношения с теми расами-париями, о которых человеколюбивая демократия Европы не может упомянуть без презрения и оскорблений. Нам не приходится даже жаловаться на туранский элемент»³⁰⁰. П.Н. Савицкий, описывая миссию России, отмечает, что «Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечно и, часто, по видимости, противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия — Россия — развивающаяся своеобразная культуроличность»³⁰¹. В работе «Россия как цивилизация» на основе анализа различных подходов к вопросу об идентичности России мы

²⁹⁴ См.: Пашко Р.Г. Концепция «византизма» Константина Леонтьева: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Минск, 1996. С. 6.

²⁹⁵ Селиверстов С. «Евразийская тема» в раннем творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 13 (114). С. 28.

²⁹⁶ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М., 1913–1914. С. 192.

²⁹⁷ Вернадский Г.В. Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 101.

²⁹⁸ Лобанов Н.А. Образ России в европейской культуре // Вестник МГПУ. 2008. № 1 (22). С. 86.

²⁹⁹ Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. М., 1990. № 16. С. 374.

³⁰⁰ Герцен А.И. Prolegomena // Академия наук СССР. Институт философии. Серия «Философское наследие». Том 96. М., 1986. С. 121.

³⁰¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 259–260.

пришли к выводу, что в социокультурном плане она — особый культурно-исторический тип (цивилизация)³⁰².

История решения национального вопроса в период Российского государства, а в последующем империи, в большинстве случаев свидетельствует о доминировании идеи целостности государства и нивелировании значения этнической идентификации.

Концепция ничем не ограниченной самодержавной власти имела, как отмечает Ахиезер³⁰³, не только византийские корни, но и татаро-монгольские. В домонгольские времена на Руси князь-вотчинник тоже соединял в одном лице функции политического правителя и собственника территории, чье влияние было ограничено боярско-дружинными вольностями: некое подобие соборного порядка принятия решений, что отчасти подчеркивало преемственную связь системы управления с византийскими императорами. Но трансформация концепции власти под влиянием примера Золотой Орды привела к усилению в модели русского самодержавия принципа силы и институализировала его в самодержавной форме правления. При этом Московское государство оставалось православной христианской страной, ощущающей себя правопреемницей Византии. И именно византийский формат вероисповедания, прославляющий божественную волю, транслятором которой на Земле являлся самодержец, позволил легитимировать бесконтрольную власть, приобретающую статус надзаконной. Имперская модель национальной политики предусматривала только лояльность самодержавию всех народов и социальных слоев общества и исключала проявления их политических сил³⁰⁴.

Изначально в России не было понятия метрополии, а также не было и юридически господствующей нации. Как отмечает Л. В. Арутюнова, «окраины империи обладали большими льготами, по отношению к различным территориям и народам проводилась весьма гибкая и разнообразная политика — с учетом местных особенностей. Царское правительство принципиально отказалось от политики ассимиляции нерусских народов. Здесь скорее доминировала установка на “православизацию”, нежели русификацию. Но при этом официальная политика по отношению к “терпимым” религиям (ислам, буддизм, католицизм и т. д.) была достаточно мягкой, и деятельность РПЦ никогда не была чрезмерно активной»³⁰⁵.

Либеральная политика в отношении этнически смешанных браков обусловила использование его как механизма адаптации пришлого населения. Еще в 1721 г. был опубликован указ (от 23 июня), разрешающий высланным в Сибирь шведским пленникам — протестантам жениться на православных русских без перемены своей веры. Им запре-

³⁰² *Россия как цивилизация: сибирский ракурс* / В.Г. Костюк, М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, Е.А. Ерохина, В.В. Мархинин, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков; отв. ред. В.Г. Костюк. Новосибирск, 2008. С. 17.

³⁰³ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 199–200.

³⁰⁴ *Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч.* / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков; под. ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. Новосибирск, 2016. Ч. I. С. 35.

³⁰⁵ Арутюнова Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2009. С. 14.

щало только совращать жену в свою веру и предписывалось воспитывать детей в православии³⁰⁶. В августе того же года Синод издал послание, в котором говорилось, что «брак верного мужа с женою иноверною не есть сам по себе нечист или богомерзок» и что если таковой и запрещается церковными правилами, то не безусловно, «аки бы сам собою был он незаконный, но только из опасения дабы верное лицо не совратилося к зловерию неверного или иноверного своего подружия». Затем в течение нескольких десятилетий последовал еще ряд указов Синода о смешанных браках (указы от 15 августа 1728 г.; 7 февраля 1735 г.; 13 ноября 1780 г.), которые разрешали «иноверным лицам мужского пола браки с православными лицами женского пола»³⁰⁷, и наоборот, православным русским подданным с женами иноверных исповеданий.

В Сибири в XIX в. в большинстве случаев межэтнические браки заключались между русскими мужчинами и представительницами коренных этносов и, при подавляющем преобладании среди русского населения мужчин, были явлением довольно распространенным³⁰⁸. По свидетельствам современников, в возникавших таким образом семьях обнаруживались в большинстве случаев соединение элементов духовной культуры различных народов Российского государства. При этом религиозные моменты обычно отступали на второй план. У детей в подобных семьях воспитывалось уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, вырабатывалась национальная и конфессиональная толерантность. Распространение межнациональных браков являлось одной из черт процессов модернизации семьи и общества, протекавших в пореформенной России³⁰⁹.

Таким образом, реализация византийской модели мультикультурного общества в России обусловила терпимое отношение к бракам, которые могли иметь не только межэтнический, но и межконфессиональный характер. Хотя принадлежность к конфессии для Российской империи имела большее значение, нежели этническая. Это же подтверждают и опросники переписей населения России, которые проводились до XX века. Так, согласно «Положению о первой всеобщей переписи населения Российской империи» от 5 июня 1895 года, перепись должна была собирать 14 признаков о каждом лице, живущем в пределах страны: «имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие, физические недостатки»³¹⁰. Учет проводился по трем категориям населения: наличному, постоянному (оседлому) и приписному.

³⁰⁶ См.: *Протоиерей В. Баширов*. О смешанных браках. [Электронный ресурс]. URL: <http://minds.by/article/20.html#sl4> (дата обращения: 12.07.2016).

³⁰⁷ *Нечаев П.* Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1892. С. 242.

³⁰⁸ *Макарьева Е.Б.* Роль православной церкви в процессе межэтнического взаимодействия в Сибири на первом этапе ее освоения (XVII в.) // *Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.)*, Новосибирск, 2003. С. 26.

³⁰⁹ *Гончаров Ю.М.* Межнациональные браки в городах Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // *Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.)*. Новосибирск, 2003. С. 239–240.

³¹⁰ *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года* / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1897–1905. [Электронный

В книге Ю.Э. Янсона содержится сравнительный анализ населения России с 1878 по 1880 гг., в том числе по численности народностей, в котором он пишет, что она «никогда не была определена с достаточной точностью. Все имеющиеся данные основаны на отрывочных, разновременных и неполных материалах; нет даже достаточно правильной и точной классификации народностей и племен»³¹¹. По представленным им сведениям, на 100 % жителей в стране было представлено: русских — 72,5, финнов — 6,6, поляков — 6,3, литовцев — 3,9, евреев — 3,4, татар — 1,9, башкир — 1,5, немцев — 1,3 %³¹². Остальных было менее одного процента.

Являлась ли многочисленность русского этноса в данной статистике реальным отражением ситуации конкретной этнической группы или возможным вариантом «обобщения» представителей различных этнических групп, установить сейчас достаточно сложно. Мы предполагаем, что цифры скорее являются свидетельством отражения учета политических интересов различных этнических групп Российской империи, среди которых наиболее значимо было учитывать жителей пограничных территорий.

Мы солидарны с мнением Л.В. Арутюновой, что по ряду существенных параметров национальная политика в царской России «была близка к мультикультурализму, в частности: царское правительство принципиально отказалось от политики ассимиляции нерусских народов (не было понятия самой метрополии, не было юридически господствующей нации, суды принаравливались к “вековым народным обычаям”»³¹³ и т. д.

Важно отметить, что благодаря такой политике царского правительства к началу XX века этнокультурное своеобразие народов, населяющих Россию, сохранилось в гораздо большей степени, чем в европейских странах. Как отмечает Л.В. Арутюнова в России, только три славянских народа — великороссы, украинцы и белорусы — к началу XX в. прошли все стадии этногенеза, предшествующие становлению нации. Существенно и то, что народы в составе Российской империи находились на разных стадиях развития культуры (от первобытной до индустриальной) и этногенеза³¹⁴.

Тип межэтнического взаимодействия, действующий на тот момент в России, евразийцы называли «симфония народов», что являло собой пример предтечи мультикультурализма, с той лишь разницей, что в рамках этнического многообразия присутствовали этнические группы, которые фактически не были включены в процесс взаимодействия, это северные малочисленные народы. Постепенный переход народов Севера из субъектов обычного права в объект гражданских прав происходил под влиянием политических, социокультурных, экономических преобразований с XVII по

ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9347-elektronnaya-biblioteka-gpib> (дата обращения: 12.08.2016).

³¹¹ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. СПб., 1878–1880 гг. С. 68.

³¹² Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. СПб., 1878–1880 гг. С. 68.

³¹³ Арутюнова Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2009. С. 7–8.

³¹⁴ Арутюнова Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2009. С. 14.

XX в. В своей общественной организации многие народы Севера до прихода казаков не имели единых государственных институтов, в связи с чем деятельность Российского государства по освоению северных территорий стала переломным этапом в развитии северных этносов³¹⁵.

Тем не менее хотелось бы отметить, что истоками российской модели мультикультурализма в первую очередь можно назвать: преемственность византийских традиций в управлении государством, общность территории проживания, отсутствие жесткого давления метрополии, отказ от политики ассимиляции нерусских народов, длительное социокультурное взаимодействие различных этнических групп, более позднее вступление России (по сравнению с Западом) на путь капиталистического развития.

Таким образом, как исторические условия, при которых формировалось молодое российское государство, так и глубокие духовные, политические, культурные и социально-экономические связи, выстроенные с Византией, обусловили формирование уникальной модели мультикультурного российского общества, для которого ценность братских отношений народов, проживающих в стране, становится стержнем становления государственности и фактором развития духовной культуры личности, определяющим специфику ее картины мира.

§ 2.2. Интернационализм = Мультикультурализм советского периода?

Формирование этнического самосознания и приобретение политической компоненты «инородцами», проживающими в отдаленных частях России, происходит лишь в конце XIX–XX вв., в процессе зарождения в России социал-демократического движения, одним из лозунгов которого было право наций на самоопределение. Отчасти этому способствовала реформа М.М. Сперанского, трансформировавшая управление сибирскими народами. Благодаря введению системы выборного народного представительства сохранилось самоуправление внутри племени или рода, но определение с причастностью к губернии или уезду подразумевало и представление интересов этнических групп, что имело важное значение для них самих. Таким образом они получали возможность быть представленными в региональной политической элите и заявлять о своих правах. Для самих народов это стало одним из факторов формирования их этнического самосознания и появления зачатков самосознания национального, когда этнос осознает значимость государственности³¹⁶.

Так, активизация представителей якутской интеллигенции, объединившейся в Союз инородцев-якутов под названием «Саха омук», привела к попытке установления гражданских и экономических прав коренных народов Севера еще в 1905 г. Союз поставил следующие задачи:

«1) признание всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквями и ссыльными,

³¹⁵ *Топорков В.В.* Формирование межнационального согласия в Республике Саха (Якутия): Дисс. ... канд. политол. н. М., 1997. С. 38.

³¹⁶ *Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков; под. ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. Новосибирск, 2016. Ч. I. С. 36.*

поселенными по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью инородцев;

2) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев Якутской области;

3) представления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной Думе и др.»³¹⁷.

Многие представители «малых народов» стали требовать равенства и свободы, территориально-национальной автономии, возможностей развития языка и культуры, создания национальной школы. И хотя реформа М.М. Сперанского внесла значительный вклад в признание прав сибирских народов на самостоятельное развитие и территорию проживания, но реализация требований этнических групп в полной мере смогла осуществиться только после Октябрьской революции 1917 г.

Первым документом Советского государства в отношении национальной политики стала «Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 1917 г., провозгласившая добровольный и честный союз народов России, право народов России на свободное самоопределение, равенство и суверенитет народов, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. В Конституции РСФСР 1918 г. появляется формулировка о союзе трудящихся классов всех наций России. «Декларация об образовании СССР» и «Конституция СССР» 1924 г. рассматривают Союз ССР как «добровольное объединение равноправных народов». В 1936 г. Конституция СССР рассматривает союз как объединение «равноправных Советских Социалистических Республик»³¹⁸, такой же подход осуществлен в Конституции СССР 1977 г. (ст. 70).

Модель советской национальной политики базировалась на марксистской теории национального вопроса и на понимании нации как этносоциальной общности, в отличие от иных (в первую очередь западно-европейских) моделей, где нация рассматривается как согражданство в государстве. Этносоциальная общность имела государственность в форме союзной или автономной республики. Остальные автохтонные народы квалифицировались как народности, что давало возможность при определенных условиях (демографический рост, экономическое и культурное развитие) получения права на республиканскую форму правления.

Концептуальными основами советской модели национальной политики являлись: реализация права наций на самоопределение и осуществление национально-государственного строительства; федеративное устройство государства с разноуровневой федерацией (республики, автономные республики, автономные округа, автономные области, национальные районы); свободное развитие языка, национальных культур; развитие и сближение нации и народностей в процессе социалистической интернационализации, формирования советского народа как новой исторической интернациональной общности людей; равноправие народов в сферах политики, экономики, социальных, культурных отношений и выравнивание уровней развития народов во всех сферах жизни приоритет социального над национальным, классовый подход к соци-

³¹⁷ *Топорков В.В.* Формирование межнационального согласия в Республике Саха (Якутия): Дисс... канд. политол. н. М., 1997. С. 80–81.

³¹⁸ *История Советской Конституции 1917–1956.* М., 1957. С. 730.

альным проблемам, активная роль государства и коммунистической партии в реализации национальной политики³¹⁹.

Интернациональное в модели советской национальной политики фактически совпало по своим идеологическим основам с византийской моделью мультикультурности: «Социалистический образ жизни — понятие интернациональное, которое при всех своих национальных особенностях и своеобразных традициях... характеризуется коренными общими чертами»³²⁰. «Концентрированным выражением интернационального», отмечает В.Х. Харнахоев, должен был стать в рамках представленной концепции советский народ — «качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей; общность людей, имеющих общую Родину и территорию; единую, основанную на общественной собственности экономику; культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме; идеологию марксизма-ленинизма; национальные языки и средство межнационального общения — русский язык; федеративное общенародное государство; одинаковую социальную структуру; единый образ жизни; общую цель — построение коммунизма под руководством Коммунистической партии Советского Союза»³²¹. Термин «национальное» автор, вслед за другими исследователями (например, М.С. Джунусовым³²²), определял несколько иначе от его интерпретации как лишь национально-специфического, доминирующей с начала 90-х гг. XX в. В.Х. Харнахоев рассматривал национальное как особенное, но включающее в себя интернациональное, социально-классовое и национально-специфическое: «Нельзя считать тождественными понятия “национальное” и “национально-специфическое”. Национальное формируется, с одной стороны, на основе интернационального, а с другой — тех идей, традиций, обычаев, которые отражают конкретно-историческое (социально-экономическое, географическое и прочие условия национального существования, характерные только для одной нации»³²³.

В этой связи мы полагаем, что еще в начале формирования советской национальной политики не было четкого разделения между понятиями «этническое» и «национальное». Как отмечает Л.В. Арутюнова: «Уже само название страны — Союз Советских Социалистических Республик — несет в себе ту двойственность, которая была

³¹⁹ Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков; под. ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. Новосибирск, 2016. Ч. I. С. 37.

³²⁰ Глезерман Г.Е. В.И. Ленин о формировании социалистического образа жизни. Коммунист. 1974. № 1. С. 106.

³²¹ Харнахоев В.Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дисс. ... докт. филос. н. Л., 1988. С. 12.

³²² Джунусов М.С. Теория и практика социалистического интернационализма на современном этапе общественного развития. М., 1970.

³²³ Харнахоев В.Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дисс. ... докт. филос. н. Л., 1988. С. 13.

характерна для национальной политики в СССР. С одной стороны — это господство коммунистической идеологии на всей территории страны, что играло объединяющую роль, а с другой стороны — организация республик по территориально-национальному принципу, что можно оценить, как разъединяющий фактор»³²⁴. Национальная культура, национальная политика очень часто воспринимались как синонимы культуры этнической группы и республиканской политики. Именно это недостаточно отрефлексированное понимание терминологии, в том числе и в партийных документах, дало основания в дальнейшем к манипуляции смыслами. Так, в 1970–1980-х гг. стали говорить об «интернациональном детерминизме»³²⁵, который противопоставлялся национальному (в контексте этнического) и обуславливал упрощение национальной структуры общества. Развитие этнонационального дискурса, рассматривающего культуру только через призму этнического, обусловило снижение значимости формирования общероссийской культуры и нивелирование ценности ее самобытности и самодостаточности.

В то же время, как отмечают многие исследователи, этническая и гражданская идентичности не противоречат друг другу³²⁶, и при взвешенной государственной политике могут стать факторами стабилизации общества³²⁷. Становление солидаризирующей российской идентичности рассматривается исследователями (Л.М. Дробижева, Э.А. Паин, С.В. Рыжова, И.С. Семенов, В.А. Тишков) как фактор гражданской консолидации и политического единства страны, фактор социальной сплоченности³²⁸. Достоверность данного предположения успешно подтвердил пример СССР. Гармонизация интернационального и национального в стране предполагала длительный процесс формирования типичного образа жизни, «характерного для всех народов многонациональной Советской страны, в единстве образующих его факторов»³²⁹. Одним из таких факторов должны были стать народные традиции, сделанные достоянием советских людей и содействующие формированию новых традиций, общих для всех этнических групп СССР. «Общее, социалистическое, интернациональное содержание жизни народов СССР» должно было создать благоприятную обстановку для «свободного труда, взаимообогащения, дружбы»³³⁰. Согласно Барту, культурная взаимодополняемость может способствовать увеличению взаимной зави-

³²⁴ Арутюнова Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2009. С. 15.

³²⁵ Чешко С.В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения // Советская этнография. 1988. № 4. С. 64.

³²⁶ Дробижева Л.М. Социальное неравенство этнических групп. Представления и реальность. М., 2002. С. 460; Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 63.

³²⁷ Абрамова М.А. Счастье позать ладонь другого. [Электронный ресурс]. Восточный свет. 2006. № 2. С. 35–41. URL://http://www.vatanym.ru/?an=vs206_mg1 (дата обращения: 16.09.2016).

³²⁸ Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 20.

³²⁹ Широкова И.А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири): Дисс. ... канд. филос. н. Л., 1984. С. 4.

³³⁰ Широкова И.А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири): Дисс. ... канд. филос. н. Л., 1984. С. 5.

симости этнических групп и создавать сферы симбиотической совместимости³³¹. Одним из ярких примеров проявления данного механизма является увеличение количества межэтнических браков в СССР, развитие системы образования, не только транслировавшей существующее знание о культуре и языках разных народов, но и активно участвовавшей в сохранении практически утраченных языков малочисленных народов страны.

Первоочередными задачами молодого советского правительства стало обеспечения равноправия и ликвидация неграмотности населения. Как отмечает Н.Л. Гезердава, «при том состоянии многонационального советского общества, при котором возникли национально-государственные образования, взаимоотношения между исторически сложившимися общностями характеризовались неравенством, доставшимся молодой советской республике, прежде всего от прошлого. В решении проблемы преодоления фактического неравенства наций (народностей) советская национальная государственность сыграла огромную роль»³³². Просвещение народа позволяло не только решить вопросы кадров, но в первую очередь транслировать ценности новой жизни и интернационализма в том числе.

По данным первой переписи населения в 1897 г., в России доля грамотных людей составила 21,1 %, а к 1914 г. эта цифра увеличилась незначительно — на 6 п.п. и достигла 27 %³³³. Для реализации программы по индустриализации молодой республики очень важно было обучить грамоте людей независимо от их возраста, гендерной и этнической принадлежности. В 1919 г. введен в силу декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР», согласно которому все население в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке. Выбор изучаемого языка происходил в согласии с желанием обучающегося (для сравнения, в XXI веке в некоторых национальных регионах России введено обязательное обучение двум языкам: русскому и титульного этноса без учета желания обучающегося). Механизм реализации данного декрета предполагал создание школ для обучения учащихся различного возраста.

21 ноября 1921 г. было утверждено «Положение о вузах РСФСР», согласно которому обучение в высшей школе стало бесплатным для лиц из среды пролетариата и бедняков. Они должны были быть приняты в учебные заведения беспрепятственно и получать стипендию. Для представителей народов Севера выделялись специальные льготные места.

Несмотря на тяжелое материальное положение в стране, правительство решало задачи по созданию условий для восстановления здоровья детей. Так, в 1925 году был открыт лагерь-санаторий Общества Красного Креста РСФСР «Артек». В первый же год за 4 смены лагерь принял 320 детей.

Сохранению культуры, и в первую очередь языков, в том числе возвращению и сохранению языков коренных малочисленных народов Севера, способствовало создание в 1925 г. Северного института при Ленинградском государственном университе-

³³¹ *Barth F.* *Introducton // Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference.* Bergen; Oslo, 1969. Reprint 1982. P. 3–12.

³³² *Гезердава Н.Л.* Взаимодействие национальных и интернациональных процессов в СССР на современном этапе: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 1991. С. 11.

³³³ *Мионов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. Таблица 22. СПб., 1999. С. 393.

те. Язык рассматривали как главный элемент во взаимосвязи национального и интернационального. В 1926–1927 академическом году северное отделение ЛГУ передали в Центральный институт живых восточных языков. На факультете могли обучаться представители северных и восточных народностей СССР, а также монгольские и тибетские студенты. С 1929 г. на факультете стали готовить педагогические кадры для северных национальных школ из числа народов Севера. Впоследствии уже подразделение Ленинградского педагогического института трансформировали в отделение народов Севера и факультет Крайнего Севера. С 1930 г. Северный институт становится самостоятельным и получает название Институт народов Севера Всесоюзного центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В институте велась подготовка кадров средней и высшей квалификации по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозной работе, промышленному делу для Севера, а также кадров научных работников. При Институте народов Севера была сформирована научно-исследовательская ассоциация по созданию письменности на языках народов Севера и составлению учебных книг на родных языках.

Результатами политики искоренения неравенства этнических групп за счет подготовки кадров национальной интеллигенции стало функционирование:

- в Белоруссии к 1931 г. 20 вузов, 93 техникума, 37 рабфаков, 103 школы ФЗУ;
- в Грузии в 1932 г. — 16 вузов, 135 техникумов, 27 рабфаков;
- в Казахстане и республиках Средней Азии в 1940 г. было 67 вузов, 38 тыс. студентов (до революции здесь были только религиозные учебные заведения)³³⁴.

В 1920–1930-е гг., как отмечает Д.И. Алексеев, «проводились эффективные меры по обеспечению быстрого роста экономического, культурного потенциала ранее отсталых советских республик. За первые две пятилетки советское правительство вложило в народное хозяйство Узбекистана 3335 млн руб., Туркмении — 999 млн, Киргизии — более 700 млн В силу капиталовложений в Средней Азии построено свыше 700 новых промышленных предприятий»³³⁵.

Хотелось бы отметить, что советская модель национальной политики не оставалась неизменной, она претерпевала определенные трансформации. Если период с 1920 по 1930-е гг. называют умеренно либеральным, то 1930-е гг. XX века многие исследователи национального вопроса охарактеризовали как период ужесточения репрессий, «когда сталинское руководство встало на путь репрессивной унификации и уничтожения национальных элит, нарушив тем самым относительно умеренную национальную политику, проявлением которой было развитие национальных культур и так называемая коренизация»³³⁶.

Противоречивость результатов анализа реализации модели национальной политики, созданной в СССР, обусловлена линейным восприятием вектора ее развития. Мы полагаем, что попытка формирования однозначной оценки (положительной либо отрицательной) этапов и последствий реализации национальной политики является

³³⁴ *Культурное строительство в СССР. Сборник статей.* М., 1940. С. 57.

³³⁵ *Алексеев Д.И.* Национальное самосознание в структуре межэтнических отношений (отечественный опыт): Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2004. С. 22–23.

³³⁶ См. подробнее: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Денгизхауз В.* В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М., 2011; и др.

недостаточно адекватной. Диалектика национального и интернационального проявлялась не только в организации взаимодействия этнических групп, но и в формировании политических элит в республиках. И в этой связи хотели бы обратить внимание на существование в течение всего периода истории СССР двух разнонаправленных векторов. Первый — центростремительный — это деятельность правительства страны по сближению наций и народностей в процессе социалистической интернационализации, формирования советского народа как новой исторической интернациональной общности людей (модель мультикультурализма). А второй вектор, который постепенно набирал силу благодаря реализации идеи «коренизации», — центробежный — это формирование интеллигенции и политической номенклатуры из числа титульных этносов, которые должны были осуществлять взаимодействие с народом и решать поставленные коммунистической партией задачи на местах. Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон в исследованиях механизмов формирования национально-гражданских идентичностей выделяли взаимоотношения государства, политических элит и интеллектуалов как противостояние этнического большинства и меньшинства. И по мере усиления этнической номенклатуры в союзных республиках и автономных областях России и ослабления влияния центра центробежные процессы усиливались, приведя в результате к развалу страны.

Нашу гипотезу подтверждают результаты исследования О.С. Терехова, позволившие автору на основе анализа динамики развития восстания в Ольстере (1916), конфликтов арабо-израильского (1947), баскского (1975), в Приднестровье (1992), грузино-абхазского (1992), в Чечне (1995) сделать заключение: «Сила государства является одной из причин умеренного характера отношений между этногруппой и государством. Государство, обладающее большими экономическими, военными и организационными ресурсами, увеличивает “цену” конфликта с ним, особенно насильственного, и, соответственно, ослабляет стимулы к сепаратизму Поэтому этнические элиты в таких условиях склонны к прагматическим ненасильственным действиям и менее склонны к радикализму Данный фактор взаимосвязан с уровнем самоуправления этноэлиты»³³⁷.

Патерналистская политика советского правительства привела к тому, что «малочисленные национальности, как правило, представлены в Верховном Совете СССР значительно шире, чем их доля в населении страны. Так, тувинцы, например, в населении страны составляют 0,06 %, а среди депутатов Верховного Совета СССР — 0,4 %»³³⁸.

Несмотря на наличие большой доли русских в составе населения Якутии в начале XX века, большая часть Якутского областного комитета ВКП(б) была представлена якутами. В 1920–1930-е гг. «коммунисты из якутов составляли почти половину парт-организации республики. Подавляющее большинство членов Советов состояло из числа коренных народов Якутии. В районах делопроизводство было переведено на

³³⁷ Терехов О.С. Динамика межэтнических конфликтов XX веке: социально-философский и теоретико-исторический анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Новосибирск, 2008. С. 16.

³³⁸ Харнахоев В.Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дисс. ... докт. филос. н. Л., 1988. С. 17.

якутский язык. Республиканские учреждения издавали основные документы на двух языках. В начальных, семилетних школах и учреждениях проводилась политика «коренизации»³³⁹.

В этой связи позиция иностранных советологов, пытающихся представить развитие национальных культур при социализме как насильственную «русификацию» культур, а процесс интернационализации — как явление, навязанное «сверху»³⁴⁰, представляется нам неубедительной.

Усиление региональных элит, представленных определенными этническими группами, сопровождалось переписыванием истории народов, в которых начинали возвеличиваться заслуги этих элит в развитии и сохранении края. Например, руководители среднеазиатских республик и Казахстана поддерживали своих историков в стремлении сделать свою национальную историю более древней и могущественной, чем национальная история соседей³⁴¹. Использование этнических маркеров для оправдания экономических, а иногда и личностных, амбиций представителей власти приобретало подчас комические формы. Конкуренция между представителями региональных элит нашла отражение даже в строительстве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Так, за четыре месяца до окончательного срока открытия выставки Н.С. Хрущев, которого только что сделали первым секретарем ЦК компартии Украины, осмотрел украинский павильон и остался им недоволен. «Украина — житница Советского Союза, — сказал он, — а павильон хуже павильона Москвы»³⁴². Как отмечают историки ВДНХ, до этого, в 1937 г., когда Хрущев был первым секретарем МК ВКП(б), он приказал сломать и построить заново павильон Москвы, потому что тот был, по его мнению, хуже остальных, в частности — павильона Украины.

На фоне этих примеров параллели, проведенные исследователями национальной политики 1945–1953 гг., между репрессиями 30-х гг. (борьба с «белорусизацией», «финнизацией», «контрреволюционными ячейками и организациями» и прочее) и трансформацией принципов национальной политики (в СССР с конца 1930-х гг. шел процесс замены классовых принципов классификации и управления массами этническими принципами)³⁴³ приобретают иное звучание.

В регулировании амбиций этнических элит в республиках важно было учитывать не только внутренние процессы, но и латентно существующие интересы соседей к пограничным территориям РСФСР. Так, на волне «этнического ренессанса» была создана Бурят-Монгольская АССР. В последующие годы АССР изменила название на Бурятскую, были образованы автономные бурятские округа в Читинской и Иркутской облас-

³³⁹ Якутия: Век XX (1917–2000 гг.). Якутск, 2001. С. 54.

³⁴⁰ Кочесоксов Р.Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Саратов, 1990.

³⁴¹ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / Сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Делнингхаус, Дж. Кадио, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, А.Е. Сиенцицкая, Дж. Смит, Е.В. Шевелева. М., 2013. С. 14.

³⁴² Открытие ВСХВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://vdnh.ru/about/history/otkrytie-vskhv/> (дата обращения: 12.07.2016).

³⁴³ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 гг. / Сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Делнингхаус, Дж. Кадио, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, А.Е. Сиенцицкая, Дж. Смит, Е.В. Шевелева. М., 2013. С. 6.

тях. Как отмечает В.Г. Костюк, отчасти это связано с геополитическим положением АССР, ее соседством с Монголией, активно включенной в предвоенные годы в сферу влияния Японии: «Возможно, данное решение было ошибочно в аспекте культурного единства бурятского этноса, но с позиции государственной безопасности оно являлось, как представляется, оправданным. Соображения безопасности лежали также в основе замены в 1931 г. старомонгольской письменности бурят латиницей, а в 1939 г. письменный литературный язык переведен на кириллицу, т. е. на русскую графику. Эти трансформации в языковой политике, конечно, не могли не повлиять на бурят-монгольское взаимодействие и, как следствие, на бурятскую культуру в целом»³⁴⁴.

Темпы этнической коренизации и роста этнического самосознания отчасти были приостановлены событиями Великой отечественной войны. Перед лицом внешнего врага усиление идеи патриотического воспитания и единения народов независимо от этнической идентификации способствовало консолидации населения и отчасти снижению притязаний этнических партийных элит. Масштабная идеологическая работа, которая была проведена, оправдывала и человеческие потери в связи с насильственным переселением отдельных народов в глубь страны. Социальное доминировало над национальным, но цель спасения страны обуславливала смещение акцентов в развитии и сближении наций и народностей на процесс социалистической интернационализации.

Пропагандистская работа способствовала формированию интеллигенции и внедрению новых стандартов понимания целостности советского народа. Ценности интернационального воспитания с успехом транслировались в системе образования, средствами массовой информации, они воплощались в кинофильмах. Достаточно вспомнить известный фильм И. Пырьева «Свинарка и пастух», впервые показанный в 1944 г., который в течение всей войны снимали на территории открывшейся в 1939 г. Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Идиллические картины изобилия, процветания и дружного труда советских граждан на благо Родины визуализировали идеи о реальности светлого будущего.

Констатируя тот факт, что вопросы национальной политики были неотъемлемой частью коммунистической идеологии, С.М. Федюнина отмечает, что лозунг «многонациональное по форме, социалистическое по содержанию» относился не только к творчеству народов, но и к их самосознанию³⁴⁵. В самосознании граждан страна была скорее советской и всечеловеческой, а РСФСР — мультикультурной республикой, как и другие республики СССР, чем национально-русской или славянской.

Несмотря на выделенные С.М. Федюниной факторы, определяющие статус этноса в межэтнических коммуникациях и тип его взаимоотношений с другими этносами, — «численность этноса, его миграционная подвижность и наличие у него необходимых ресурсов для воспроизводства и развития своего языка и культуры»³⁴⁶, но именно русское население СССР в большей степени попало в двусмысленное по-

³⁴⁴ Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков. Новосибирск, 2016. Ч. I. С. 40–41.

³⁴⁵ Федюнина С.М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... докт. социол. н. Саратов 2008. С. 27.

³⁴⁶ Федюнина С.М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... докт. социол. н. Саратов 2008. С. 27.

ложение после окончания войны. Провозглашение, предпринятое И. Сталиным в победные дни 1945 г., ведущей роли русского народа в содружестве СССР, не было подкреплено реальным признанием его равноправия во многих национальных республиках СССР, где постепенно давала плоды политика «коренизации» в выдвижении национальных кадров. Интенсификации процесса служили негласное правило о «создании условий для обучения в средней школе большего количества детей из числа представителей коренной национальности, организация и расширение национальных вузов, целевая подготовка национальных кадров в вузах общесоюзных центров, прежде всего Москвы и Ленинграда. Лидеры республик активно содействовали развитию академических структур, открытию в своих республиках филиалов Академии наук СССР и их преобразованию в самостоятельные академии»³⁴⁷. Выдвижение национальных кадров на руководящие должности считалось важной целью кадровой политики партии. Отчасти это было оправдано. Представителям из центра — «чужакам», не знающим язык коренного населения, сложно было выполнять свои функции в республиках. Важно также, что подготовленная в партийных школах будущая политическая элита республик, с одной стороны, воспринималась центром как транслятор интересов государства, а, с другой, она позволяла решить проблему существующих властных амбиций национальной интеллигенции.

К сожалению, данная стратегия была ориентирована на существование постоянного достаточно сильного влияния партии в национальных республиках. Только этот фактор позволял сохранить баланс национального и интернационального в концептуальном понимании единства советского народа. И чем более сильной становилась со временем «этническая номенклатура», постепенно трансформировавшаяся в «этнономенклатурные кланы»³⁴⁸, тем сложнее было сохранять существующий баланс.

Как отмечает Ю.В. Попков, в 1970–1980-е гг. проблеме осмысления советской практики решения национального вопроса, и в частности проблеме интернационализации, уделялось значительное внимание³⁴⁹. Расширение источниковой базы для анализа истории решения национального вопроса в СССР на основе анализа доку-

³⁴⁷ *Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 гг.* / Сост.: Л.П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Делнингхаус, Дж. Кадио, М. Ю. Прокуменщиков, Л.А. Роговая, А. Е. Сиенцицкая, Дж. Смит, Е. В. Шевелева. М., 2013. С. 15.; *Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1922–1952 гг.* / Сост. В.Д. Есаков. (№ 138). М., 2000.

³⁴⁸ *Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 гг.* / Сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Делнингхаус, Дж. Кадио, М.Ю. Прокуменщиков, Л.А. Роговая, А.Е. Сиенцицкая, Дж. Смит, Е.В. Шевелева. М., 2013. С. 18.

³⁴⁹ См. *Попков Ю.В.* Интернационализация как социальный феномен: Общее и особенное: Дисс. ... докт. филос. н. М., 1999. С. 6; *Интернационализация: Сущность, тенденции, перспективы.* Минск, 1977; *Гончарова В.И.* Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев, 1978; *Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций.* Иркутск. 1979; *Еремей Г.И.* Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма. М., 1981; *Паутов В.Н.* Развитой социализм: Процессы интернационализации. М., 1981; *Мархинин В.В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. Новосибирск, 1989.

ментов из региональных и республиканских архивов сделало возможным публикацию целого ряда обобщающих и научно-популярных трудов³⁵⁰.

Катализатором роста этнического самосознания отчасти стали выступления на XXII съезде КПСС о необходимости новой Конституции для страны в связи с возникновением новой социальной и интернациональной общности людей — советского народа и перерастании советского государства, родившегося как государство диктатуры пролетариата, в общенародное социалистическое государство. Последующие разработки текстов новой Конституции на XXIV (1971 г.³⁵¹) и XXV (1976 г.) съездах партии в разделе «Национально-государственное устройство СССР»³⁵² закрепили вхождение автономных республик в состав союзных республик со своими Конституциями. Так, в ст. 78 Конституции РСФСР было закреплено, что автономная республика — это советское социалистическое государство в составе РСФСР.

Попытка переформулировать основания нациестроительства в СССР, предпринятая в 1970–1980-е гг. в форме концепции «советского народа как новой исторической общности», не привела к сглаживанию различий социальной структуры этносов в силу своей излишней идеологизированности и на практике была ограничена сферой рыночных отношений³⁵³.

Последними попытками вернуться к мультикультурной модели интернационализма, разработанной на заре создания советского государства, стали призывы в работах конца 70-х гг. XX в. вернуться к первичному пониманию интернационального, проявлением которого должна была стать дружба народов, базирующаяся на сотрудничестве и взаимопомощи: «Вместе с тем, хотя в рассуждениях некоторых авторов о дружбе народов и содержатся призывы к интернациональному сплочению, в конечном итоге нередко проявляет себя преобладающая симпатия к своему национальному, к отделению “своего” от интернационального, что в конечном счете приводит к противопоставлению национального интернациональному»³⁵⁴.

³⁵⁰ Соловов Е.М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.). Автореф. дисс. ... канд. истор. н. М., 2007. С. 4; *История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 гг.* В 2 т. 3-е изд. М., 1979; Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития М., 1972; Каракеев К.К., Копылов И.Я., Саликов Р.А. Проблемы управления строительством Советского многонационального государства. М., 1982; Хмелевский К.А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // *Советы национальных районов России 1917–1922 гг.* М., 1985; и др.

³⁵¹ *Материалы XXIV съезда КПСС.* М., 1971. С. 76.

³⁵² *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/ (дата обращения: 02.07.2016).

³⁵³ Федюнина С.М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... докт. социол. н. Саратов 2008. С. 27.

³⁵⁴ Широкова И.А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири): Дисс. ... канд. филос. н. Л., 1984. С. 25.

Интересен факт того, что уже в 60-х гг. XX в. в работах зарубежных советологов анализу проблемы межнациональных отношений в СССР уделялось особое внимание, поскольку именно данный фактор был признан определяющим дальнейшее развитие СССР³⁵⁵. Так, например, Э. Джоунс и Ф. Грапп сделали заключение о том, что: «Этнические различия были и будут, по крайней мере в обозримом будущем, важным обстоятельством в разработке советской политики. Поэтому анализ национальных тенденций является ключевым аспектом западных исследований советской внутренней политики»³⁵⁶.

Позиции советологов относительно содержания интернационализма и его роли в истории России кардинально различались: от иррациональности самого феномена до невозможности реализации идеи вследствие несовместимости «мусульманского» образа жизни, «якобы имманентного народам Советского Востока, и советского социалистического образа жизни»³⁵⁷. Многие высказывались о том, что интернационализм является советским вариантом ассимиляции народов.

Но при реализации ассимиляционной стратегии национальной политики, наверное, мультикультурная идентичность граждан (гражданская, региональная, этническая, групповая) не смогли бы найти поддержку. Демонстрация равной значимости различных типов самоидентификации индивида поддерживалась идеологией строителей коммунизма, провозгласившей, что все должны иметь равные права и возможности, независимо от своей этнической, региональной принадлежности. Многочисленные исследования о развитии духовной культуры содержали тезис о важности единства национального и интернационального в ее структуре. А роль знания родного языка подчеркивалась особо. И важно отметить, что в период существования СССР удалось не только сохранить разнообразие и языковое богатство этнических групп, но и сформировать уважение к нему у самих представителей этносов. Так, по переписи населения 1979 г. из 353 тыс. бурят, 328 тыс. якутов, 166 тыс. тувинцев родным языком считали язык своей этнической группы соответственно 90,2 % бурят, 95,3 % якутов и 99,8 % тувинцев³⁵⁸.

Как отмечает В.Г. Костюк, категории «нация», «развитие наций», «межнациональные отношения», «национальная политика» в советский период получают наиболее полное содержание, а советское федеративное устройство СССР стало лучшей формой реализации политических прав этносоциальных общностей: наиболее многочисленных — в форме союзных республик; менее крупных — в форме республик в составе союзных, малочисленных — в форме автономных областей, округов или национальных районов. Хотя последние и не имели формального государственного ста-

³⁵⁵ Кочесоков Р.Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Саратов, 1990. С. 5.

³⁵⁶ Jones E., Grupp F.W. Measuring nationality trends in the Soviet Union: a research note // Slavic Review. 1982. N 1. P. 112.

³⁵⁷ Кочесоков Р.Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Саратов, 1990. С. 11.

³⁵⁸ Харнахоев В.Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дисс. ... докт. филос. н. Л., 1988. С. 21.

туса, но права коренных малочисленных народов реализовывались отчасти через их представительство в советских и партийных органах³⁵⁹.

Л.В. Арутюнова, сопоставив модели мультикультурализма, реализованные в США и СССР, приходит к выводу, что сравнительный анализ процессов интеграции, протекавших в странах и приведших к возникновению «советского» и «американского» народов как новых типов исторической общности людей, показывает, что проводимая в СССР политика была много ближе к мультикультурализму, нежели к «переплавке»³⁶⁰.

Эффективность национальной политики Советского Союза можно подтвердить отсутствием долгое время конфликтов на этнической почве, сохранение стабильности в межнациональных отношениях и высоким уровнем сформированного патриотизма у граждан. Общероссийская идентичность стала к 90-м годам XX в. реальностью. Так инерционный механизм позволял сохранять ощущения единства еще 1993 г. (по данным опросов 47,9 % респондентов идентифицировали себя как «гражданина России» и лишь 14,2 % — как «представителя своей национальности»³⁶¹).

Сопоставление Е.О. Кубякиным предпосылок гармоничного сосуществования этносов в России в имперский и советский периоды (табл. 1) еще раз подтвердило нашу гипотезу о формировании мультикультурности как характеристики российской цивилизации, не прерывающейся, а продолжающей свое развитие.

Таким образом, в Советском Союзе была реализована наиболее продвинутая идея мультикультурализма (интеркультурализма Э. Паин³⁶²), которая не противоречила факту культурного многообразия, а лишь ориентировала на обеспечение взаимодействия их представителей, через создание условий для взаимного интереса, одним из залогов которого стало увеличение межэтнических браков. Так Э. Паин настаивает на том, что «исторически первым и массовым проявлением интеркультурализма был советский интернационализм. Есть очень весомый индикатор практической эффективности этой системы. Известно, что высшим проявлением готовности к межкультурному сотрудничеству является готовность людей к вступлению в брак с представителями другой культуры. Так вот в СССР доля межэтнических браков была в несколько раз выше, чем в Российской империи, и существенно выше, чем в современной России, не говоря уже о других постсоветских государствах, в которых этот показатель неуклонно ежегодно сокращается вот уже 20 лет»³⁶³.

³⁵⁹ Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков; под. ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. Новосибирск, 2016. Ч. I. С. 37.

³⁶⁰ Арутюнова Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2009. С. 8.

³⁶¹ Вестник содружеств социологических ассоциаций. 1993. № 2. С. 10.

³⁶² Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k_voprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe (дата обращения: 02.07.2016).

³⁶³ Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k_voprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe (дата обращения: 02.07.2016).

Таблица 1

Предпосылки гармоничного сосуществования этносов в России³⁶⁴

Предпосылки	Российская империя	СССР
Социокультурные	Русский язык и культура как средство приобщения к мировым культурным ценностям, повышения культурного уровня многих народов	Подчеркивание тезиса о равенстве наций и народностей, акцент на интернационализме, условия для развития национальных культур
Политические	Вхождение в политическую и военную элиту империи представителей различных этносов	Предоставление формальной автономии и права на самоопределение, допуск представителей нерусских этносов к высшим государственным должностям
Экономические	Промышленное развитие отсталых окраин, создание инфраструктуры	Специальные программы развития национальных территорий, формирование единого народнохозяйственного комплекса, создание рабочих мест
Психологические	Отсутствие непримиримой вражды между народами	Чувство принадлежности к единой общности советского народа

Результаты исследования социологов Ю.А. Арутюняна, А.О. Бороноева, Ю.В. Бромлея, Л.М. Дробижевой по изучению межнационального общения, интернациональному сознанию молодежи свидетельствовали об отсутствии напряженности в межэтнических отношениях³⁶⁵. Результатом интернационального воспитания граждан стало то, что в выстраивании межличностных отношений этнический признак не доминировал. Так, О.С. Чекалева пишет, что по результатам опросов в 1988 г. в Северо-Кавказском регионе большинство респондентов ответили, что в многонациональном коллективе учиться лучше³⁶⁶.

Вклад интернационального воспитания в реализацию грандиозных планов по всесоюзным стройкам невозможно оценить и сейчас. За период существования СССР в 1922–1982 гг. объем промышленной продукции Казахстана вырос в 938 раз, Таджикистана — более чем в 898 раз, Киргизии — более чем в 712 раз, Узбекистана — почти в 730 раз, Туркмении — более чем в 209 раз.

³⁶⁴ Кубякин Е.О. Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: Автореф. дисс. ... канд. социол. н. Новочеркасск, 2005. С. 16.

³⁶⁵ *Интернационализм советского народа (история и современность)* / Отв. ред. В.П. Шерстобитов). М., 1982; *Теория и практика развития социалистических наций* (Под ред. Т.Ю. Бурмистровой). Л., 1984; *Развитие национальных отношений в СССР*. М., 1985; *Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик* (отв. ред. В.П. Шерстобитов). М., 1986; *Бромлей Ю.В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР*. М., 1987; и др.

³⁶⁶ Чекалева О.С. Диалектика формирования интернационалистского сознания: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 1990. С. 12.

Интегрирующей силой выступала партия, ослабление которой обусловило и усиление дезинтеграционных тенденций вследствие попыток этнономенклатурной элиты «наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик»³⁶⁷. Результатом этих попыток стала серия протестных выступлений на этнической почве в 1986 г.: в Алма-Ате, Якутии, Азербайджане, Армении, в Прибалтике, Узбекистане, Киргизии, Грузии и Южной Осетии³⁶⁸.

И хотя политики по-прежнему продолжали утверждать, что при социализме культура играет определенную роль в системе регулирования общественных; отношений, в частности национальных отношений, но, как показала история, отнюдь не главную. Бромлей Ю.В. писал в те годы: «...при всей многообразности этого обсуждения его стержнем в конечном счете является вопрос о соотношении национального и интернационального в жизни нашего общества»³⁶⁹. Выступление М.С. Горбачева положило конец спору о доминанте: «...источник нашей силы в свободном развитии национальных культур, обогащенных духовным опытом братских народов и всего человечества... Мы должны всячески способствовать дальнейшему расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению, их подъему и расцвету»³⁷⁰. Эти фразы были расценены как призыв к этническому ренессансу и пересмотру иерархии идентичностей гражданами страны.

Реализация концепции интернациональной политики, ставшей продолжением развития идеи мультикультурного сообщества в Византии, имела в принципе схожий со своей предшественницей последний этап существования — рост властных амбиций этнономенклатурной элиты, ослабивший целостность страны и приведший ее к дезинтеграции и развалу. Наш вывод созвучен мнению Э. Паина о том, что причиной распада стали маневры соперничающих политических элит, а не массовые националистические движения³⁷¹.

Таким образом, идеальная конструкция мультикультурного сообщества, реализованная в Советском Союзе и поддержанная многочисленным полиэтническим населением, потомки которого до сих пор с ностальгией вспоминают свое интернациональное прошлое (маевки, студенческие отряды, возможность свободного дружеского общения и т. п.), разбилась о взращенные в недрах все той же коммунистической партии амбиции этнономенклатурной элиты.

³⁶⁷ Пайн Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k_voprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe (дата обращения: 02.07.2016).

³⁶⁸ Байтенова Н.Д. Диалектика национального и интернационального как методологический принцип исследования современных этнических процессов: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Алма-Ата, 1991. С. 13.

³⁶⁹ *Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа «за круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 52.*

³⁷⁰ *Горбачев М.С. Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 20.*

³⁷¹ *Тёрборн Г. Мультикультурные сообщества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 63.*

Все чаще стали озвучиваться идеи о несоответствии модели национальной политики, основанной на теории слияния наций, потребностям и запросам самих наций. Сложившаяся административно-командная система изжила себя, а механизма национальной политики, который бы не допускал отклонений и нарушений в сочетании национального и интернационального, готового реагировать на потребность каждого региона в отдельности и Союза в целом, не существовало. В такой ситуации стала формироваться политическая арена для деятельности экстремистских и националистических группировок, формирующих у значительной части населения сомнения в успехе начатых преобразований и способных со временем привести к межнациональным конфликтам.

На пленумах ЦК КПСС 80-х гг. XX века часто стал подниматься национальный вопрос. Так, на январском (1987 г.) пленуме было зафиксировано, что ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивалась глубина их теоретической значимости, что привело к недостаточной адекватной их реализации в практике регулирования национальных отношений³⁷².

На специально посвященном национальной политике пленуме ЦК КПСС (сентябрь, 1989) было отмечено: «Рост национального самосознания пробуждал интерес к истории своего народа, его культурным ценностям и традициям. Однако удовлетворению этих потребностей мешали теоретические установки на форсированное сближение наций, утверждение о якобы полной к окончательной решенности национального вопроса»³⁷³. В результате пленумом ЦК КПСС была поставлена задача: через обновленную федерацию, наполнив ее «новым политическим и экономическим содержанием, обеспечить удовлетворение многообразных потребностей всех советских наций, чтобы каждая из них получила широкие возможности для подъема своей экономики и культуры в опоре на созданный в нашей стране народнохозяйственный комплекс, научный и культурный потенциал»³⁷⁴.

В 1990-х гг. в исследованиях философов, социологов и педагогов еще делаются попытки внесения корректировок в трактовку интернационального, чтобы зафиксировать саму идею и то лучшее, что позволяло разным этническим группам объединить свои усилия в строительстве единого государства. Так, в работе В.В. Иванова находим следующую интерпретацию интернационализации: «объективный исторический процесс усиления взаимозависимости и формирования общих черт национально-государственных образований во всех сферах жизнедеятельности общества, проявление в нем интегративной тенденции мироустройства»³⁷⁵. А Н.Л. Гезердава делает вывод, что «интернациональное вырастает из национального на основе его

³⁷² *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС 27-28 января 1987 года. М., 1987.

³⁷³ *Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС)* // Правда. 1989. 24 сентября.

³⁷⁴ *Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС)* // Правда. 1989. 24 сентября.

³⁷⁵ *Иванов В.В.* Интернационализация и социально-политический плюрализм в решении проблемы европейской безопасности (социально-философский анализ): Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 1993. С. 14.

развития и взаимодействия с инациональным в результате подъема национального до уровня межнационального», и такое «ленинское понимание диалектики интернационального и национального должно стать основой современной государственной политики»³⁷⁶. Ю.В. Попков отмечает, что «интернационализация представляет собой процесс рефлексивного взаимодействия национальных общностей... результатом которой становится формирование цивилизаций»³⁷⁷. Но таких работ становилось все меньше, а «развенчивающих мифы советской идеологии» все больше.

Исследователи причин краха идеи интернационализма в СССР находят объяснение этому в недостаточном внимании к глубинным этническим процессам, которые шли в течение всей истории страны внутри регионов. За погоней к светлому будущему управленцы недостаточно обращали внимание на искажение идей, которые находили на местах новые формы, иногда очень далекие от первичного содержания. «Общее» все больше и больше отдалялось от реальности, а «особенное» приобретало уродливые формы, искажающие само содержание интернационального воспитания. Высказывания представителей титульных этносов в 80-х годах XX в. в отношении славянского населения о том, что их никто не приглашал приезжать в национальные республики, становилось все более частым явлением. О.Д. Волкогонова и И.В. Татаренко, описывая сепаратистские процессы 90-х гг. XX в. в Российской Федерации, отмечают, что «многие агрессивные националистические движения винят за ошибки в национальной политике не власть, а русских, делая из них “оккупантов”, “нахлебников” и т. д.»³⁷⁸.

Следует также отметить, что на первых порах провозглашенного строительства новой жизни народы СССР стремились объединиться, сплотиться, то есть дружно решать политические, экономические, культурные, социальные проблемы, оказывать друг другу помощь. Эти позитивные моменты в национальной политике по известным причинам в последние годы размывались, что привело к возникновению на месте Советского Союза независимых государств³⁷⁹.

Исследования в области этносоциологии 90-х гг. XX в.³⁸⁰ зафиксировали быстрый темп роста солидарности представителей титульных этносов, основу которой составляли требования восстановления языка и культуры титульного народа,

³⁷⁶ Гезердава Н.Л. Взаимодействие национальных и интернациональных процессов в СССР на современном этапе: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 1991. С. 11.

³⁷⁷ Попков Ю.В. Интернационализация как социальный феномен: Общее и особенное: Дисс. ... докт. филос. н. 09.00.11. М., 1999. С. 14–15.

³⁷⁸ Цит. по: Волкогонова О.Д., Татаренко И.В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 152. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/232/947/1219/2001_n2_p149-166.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

³⁷⁹ Буриев Н.А. Взаимодействие национального и интернационального в культуре межнационального общения: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Ташкент, 1991. С. 8.

³⁸⁰ См.: *Ценности* и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994; *Конфликтная этничность и этнические конфликты*. М., 1994; *Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика*. М., 1995; *Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России*. М., 1998; *Социальное неравенство этнических групп. Представления и реальность*. М., 2002.

поддержка и даже попытки создания собственной религии, реабилитация истории и мифологизация подвигов народных героев, репрессированных в СССР.

Как это ни странно, но ситуация, создавшая к концу 1980-х гг. в СССР, в точности повторила историю межэтнического взаимодействия и национальной политики большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.), описанную Е.М. Солововым: «Связанное с падением монархии ослабление центральной власти повлекло за собой не столько дальнейшее формирование национального самосознания народов бывшей империи, сколько оформление бытового, а также радикального политического национализма и, в конечном счете, рост настроений сепаратизма, стремления выйти из общероссийского пространства. На пространстве агонизировавшей империи повсеместно возникали националистические движения, формировались по национальному признаку политические партии, объявляли о своей самостоятельности прежде входившие в состав русских губерний этнические анклавы. В условиях все более слабющего центра, неопределенности перспектив развития страны на национальных окраинах усилились центробежные процессы, направленные на создание собственных автономных и даже независимых государственных образований»³⁸¹.

Исследователь приводит свидетельства А.И. Деникина, проехавшего по Владикавказской дороге: «Разъединение у нас идет и на почве областного и национального сепаратизма... — вот она картина лоскутной жизни»³⁸². Вместе с тем, точно так же как и в конце 80-х гг. XX века, ослабление центра привело не только к процессам этнонационального размежевания, но и к политической консолидации возникших национальных образований.

Как и в 90-е гг. XX в., большинство народов России в 20-е гг. не стремились выйти из состава единого государства. Обострению межнациональных конфликтов объективно способствовали лишь усиливающиеся этнонациональные элиты, создававшие политические и национально-территориальные объединения и от их имени выступавшие все «с более серьезными претензиями в адрес центральной и региональных властей, а также других этнических групп, протестуя против действий по их мнению “несовместимых с их настроением и обязанностями”»³⁸³.

Тем не менее термин «мультикультурализм» оказался востребованным и в «трансформирующемся» постсоветском пространстве, где был «подхвачен интеллектуалами по заказу местных этнократий и стал лозунгом определенных групп, формирующихся в качестве “до сих пор угнетаемых”, и в условиях всеобщего передела включившихся в борьбу за перераспределение власти и ресурсов и за обоснование новых границ»³⁸⁴. Полагаем, что в этом этносы постсоветской России несколько не отклонились от тех примеров проявления «стигматизированной идентичности», которые имели место во многих трансформирующихся обществах, использующих другой

³⁸¹ Соловов Е.М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дисс. ... канд. истор. н. М., 2007. С. 11.

³⁸² ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2 Д. 4 Л. 6. Д. 31. Л. 5.

³⁸³ ГАРО. Ф. Р.2599. Оп. 1. Д.26. Л. 470; Цит. по Соловов Е.М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дисс. ... канд. истор. н. М., 2007. С. 11.

³⁸⁴ Орлова И.Б. Конструирование этнического образа России. М., 2005. С. 54.

контекстуальный фон применения термина мультикультурализм как знамени борьбы за свои права наравне с правами титульных народов. Так, С. Бенхабиб отмечает, что «притязания разных групп, выдвигаемые по поводу того или иного аспекта их культурной идентичности, соперничают между собой в публичной сфере стран капиталистической демократии и вплетены в типичные столкновения, возникающие по поводу перераспределения и признания»³⁸⁵. В результате в конце XX века произошло утверждение истории субнациональных и расовых меньшинств, а значимость национальной истории, по мнению С. Хантингтона, существенно снизилась: «Однако, если вспомнить определение нации как воображаемого сообщества, наделенного коллективной памятью, можно сказать, что люди, теряющие коллективную память, превращаются в нечто менее грандиозное, нежели нация»³⁸⁶.

§ 2.3. Парад суверенитетов — крушение идеологии мультикультурализма в России...

Важно отметить, что парад суверенитетов в стране начался не с национальных республик, а с появления декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года, где было провозглашено, что «РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, установленном Союзным договором и основанном на нем законодательством» (п. 7)³⁸⁷. Таким образом, пример «старшего брата» оказался весьма заразительным, но приобрел иные формы.

Отдаленным результатом политики «коренизации», проводившейся советской властью с начала момента своего существования, стала сформированная, независимая политическая элита, получившая прекрасное образование, прошедшая суровую закалку партийной школой. И именно она, объединив силы с интеллигенцией, на волне наполнения новыми смыслами федерации и усиления тенденции по децентрализации власти в стране, идеологически обосновала концепции суверенитетов республик, отражавших не столько интересы народа, сколько политические и экономические права элит на ресурсы. «Извиняющийся тон» в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, появившейся лишь в 1996 г., упрочил позиции правящих элит в республиках: «На развитие межнациональных отношений оказывает существенное влияние наследие прошлого. Тяжелый удар по всем народам страны, включая русский, был нанесен тоталитарной системой, массовыми депортациями и репрессиями, разрушением многих национальных культурных ценнос-

³⁸⁵ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003. С. 1.

³⁸⁶ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 277.

³⁸⁷ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. [Электронный ресурс] // «Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР». № 2. 14.06.1990, ст. 22. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9038679> (дата обращения: 12.06.2016).

тей. Наряду с достижениями в развитии и сотрудничестве народов, которые имелись в советский период, проводился курс на унификацию, заложивший основу нынешних противоречий»³⁸⁸.

Таким образом, в Концепции было официально зафиксировано, что критика в адрес партийного руководства страны бывших советов представителями этнической правящей элиты и интеллигенции была услышана. Тактика соглашения с ней, а также отрицания всего лучшего, что было создано в рамках политики интернационализации и идеологии интернационального воспитания, позволила предать забвению достижения прежних лет. Вместо концепции мультикультурного общества на первое место была выдвинута идея поликультурного множества этнических групп, основой взаимодействия которых стало лишь сотрудничество на договорных условиях: «На государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос», вследствие чего фактически давалась полная свобода: для реализации прав и свобод граждан, которая «может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов в Российской Федерации с учетом разрозненного проживания многих народов на ее территории»³⁸⁹.

Обострение экономических, социальных и политических противоречий вывело на поверхность противоречия национальные и этнические. Они породили: сепаратистские настроения, территориальные претензии, одностороннее толкование исторического опыта взаимоотношений наций и народностей, экстремистские действия, обвинения целых наций и республик в иждивенчестве, осуждение межнациональных браков и другое; усилились проявления национализма, возникли межнациональные конфликты³⁹⁰.

Как отмечает С.В. Рыжова, распад СССР и крушение советской идеологической системы обусловили увеличение значимости этнического фактора: «На волне суверенизации в республиках РФ активно реанимировались символы этнокультурной общности, создавались новые идеологии этнической солидарности и этнополитической мобилизации. Повседневная этническая идентичность граждан новой России стала значимым элементом социальной идентичности, наиболее мобильным субъективным маркером политических и социально-экономических изменений»³⁹¹.

Особо важно отметить, что политические дискуссии и длительный процесс разделений полномочий федерального центра и региональной власти стали транслироваться системой образования и культуры. Массированное зомбирование сознания но-

³⁸⁸ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051>. (дата обращения: 24.07.2016).

³⁸⁹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051> (дата обращения: 24.07.2016).

³⁹⁰ Чекалева О.С. Диалектика формирования интернационалистского сознания: Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 1990. С. 1.

³⁹¹ Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 5.

вого поколения россиян многочисленными фильмами, развенчивающими мифы о подвигах героев времен Отечественной войны, акцентирование внимания на репрессиях сталинского режима уже к концу XX в. сформировали новое поколение людей, почитающих западные ценности и ненавидящих «совковое» прошлое.

Переориентация на западные ценности обусловила в России инверсию базовых принципов социальной организации общества, вовлекшей все слои населения в адаптивный и дезадаптивный процессы, динамизм которых создала ситуация открытости аксиологической системы, не способствующая адаптивной способности общества. По сути как молодое поколение, не помнящее уже советское прошлое, так и пожилое, дезадаптированное потерей идеалов, ради которых оно прошло через многие лишения в течение всей своей жизни, оказались в точке пересечения нескольких идентификационных полей культуры: традиционной и современной, этнической и мультикультурной, патриархальной и феминистской, профессиональной и семейно-бытовой и т. д. И в каждом из них происходило формирование новой иерархии ценностей, обусловленной оппозицией аксиологических форм сознания и деятельности к рационализированным формам освоения действительности. Шла активная переоценка нравственных и материальных ценностей. Стремительный отказ от идеологии советского прошлого старательно подпитывался идеями о пользе этнонационализма, который лег в основу новой идеологии *суверенизации*.

Таким образом, Россия в конце XX века фактически повторила практику осуществления модели мультикультурализма Западной Европы, основанной на идее нации не как этносоциокультурной общности, а как поликультурной с оппозицией титульной и «других» этносоциальных групп и получила аналогичный результат — атомизацию страны.

Но под натиском глобализации, размывающей этнические границы, унифицирующей национально-традиционное катком мировых стандартов и распространения сети интернет, получившие государственность локальные сообщества вновь вспомнили о ценности единства и сплочения, важности существования «объективного» основания национальной культуры (от понятия «нация»), оказывающего универсализирующее воздействие на жизнь социума, и которое могло бы являться цементирующим ядром, консолидирующим различные этнические группы в стране. К концу 90-х гг. XX в. стали появляться работы в области политологии и этносоциологии, уже не отличающиеся стремлением к кардинальным изменениям и резкой критикой советского прошлого. Они вполне взвешенно и системно представляли компромиссную политику большевиков в национальном вопросе, их достаточно гибкую позицию по отношению к национальным и даже националистическим движениям, решению кадрового вопроса с привлечением на службу представителей этнических групп. И это, как отмечает Е.М. Соловов, стало серьезным шагом в целостном решении научной проблемы³⁹².

Видя результаты парада суверенитета, многие идеологи возврата к этническому, спустя десятилетия, в начале XXI в., вновь обращаются к прогрессивной идее интег-

³⁹² Соловов Е.М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дисс. ... канд. истор. н. М., 2007. С. 5.

рации и возврату фактически к политике интернационализма (или мультикультурализма). Конечно, не прибегая к дискредитированным политиками терминам. Так, В. Тишков, определяя нынешнюю Россию как многоэтническую страну с незавершенным нациестроительством («конструированием гражданской нации») и растущим этнонационализмом (русским и периферийным, создающим угрозы целостности страны), видит решение этой проблемы в идее «строительства многокультурной нации на основе двойной не взаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской) граждан страны как наиболее обещающей и конструктивной формулы новой России»³⁹³. Данная формула может, по его мнению, реализоваться серией «творческих символических действий», начальным из которых должен стать отказ от термина «этнонация» в пользу нации-государства (согражданства) в научном и политическом дискурсе. Основные препятствия в строительстве гражданской нации в России он усматривает «в унаследованном догматическом менталитете», насаждавшемся марксистско-ленинской «псевдотеорией национального вопроса», а также в русских националистах, чьи программы подпитываются текстами российских философов (Вл. Соловьева, К. Леонтьева, В. Розанова, П. Флоренского, И. Ильина, Н. Бердяева и др.), «методология которых безнадежно архаична с ее наивным романтизмом и социальным расизмом»³⁹⁴.

Как отмечает В.Г. Костюк, вступая в заочную дискуссию с В. Тишковым, исследователь «безусловно, имеет право считать своими идейными предтечами не российских философов, не Ю.В. Бромлея, М.В. Крюкова, В.И. Козлова и других советских этнографов, а Э. Геллнера, Т. Эриксона, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и других европейских этнологов, но “ультрасовременная” методология западных и отечественных “конструктивистов” должна хоть в минимальной степени содействовать теоретическому осмыслению реальной жизни и быть безопасной в плане политико-практических выводов и рекомендаций. Первое требование невыполнимо уже по мировоззренческим установкам “конструктивистов”, понимающим этнические группы как воображаемые сообщества. Второе опасно, так как скорее обостряет, а не гармонизирует межэтнические и межнациональные отношения в силу иллюзорности, волюнтаристичности, антиисторичности и антидиалектичности своих предписаний политической практике»³⁹⁵.

В. Тишков, предлагая политические механизмы и стратегии для нейтрализации крайних форм этнонационализма в республиках, утверждает, «что многовариантная федеративная система с республиками как внутренними государственными образованиями, имеющими свои конституции и высокий уровень суверенитета, есть более обещающая политическая стратегия, чем бывшее “национально-государственное

³⁹³ Тишков В. Российская нация и российские национальности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1257.pdf> (дата обращения: 02.07.2016).

³⁹⁴ Тишков В. Российская нация и российские национальности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1257.pdf>. (дата обращения: 02.07.2016).

³⁹⁵ Россия как цивилизация: сибирский ракурс / В.Г. Костюк, М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, Е.А. Ерохина, В.В. Мархини, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков. Новосибирск, 2008. С. 20.

строительство»³⁹⁶. Таким образом, фактически предложенная исследователем модель ничем не отличается от модели поликультурного общества, которое может существовать лишь на договорной основе.

Пережив последствия введения суверенитета, республики в начале XXI века столкнулись с новыми трудностями. Постсоветские реформы привели к деградации традиционного хозяйства, массовой миграции сельского населения в города, к безработице, развалу промышленности. Разрушение системы образования обусловило падение его качества по всем уровням, а уничтожение начального и среднего профессионального образования привело к переизбытку кадров с высшим образованием, которые остаются без рабочих мест. Неконтролируемые миграционные потоки в крупные города России, без продуманной политики по инкультурации приезжающих³⁹⁷, еще более усложнив этническую и цивилизационную картину, обострили ситуацию межэтнических отношений.

В этой связи попытки интерпретации мультикультурализма как интеграционной стратегии, которая предполагает «открытость для иноэтнических мигрантов и создание условий для их интеграции»³⁹⁸, представляется нам неточно отражающей российскую модель, которая в первую очередь была ориентирована на интеграцию народов, исконно проживающих на территории страны. Мы полагаем, что подобные интерпретации скорее обусловлены пониманием мультикультурализма в контексте западной либеральной модели, созданной национальными государствами как стратегии интеграции мигрантов из их бывших колоний.

В отношении политики организации внешнего взаимодействия российская модель мультикультурализма близка к индийской, философию которой очень четко сформулировал Махатма Ганди, сказав, что он мечтает, чтобы ветры культуры всех стран и народов веяли вокруг родного дома, но он против того, чтобы какой-нибудь ветер сорвал крышу этого дома.

Результаты проведенного Институтом социологии РАН опроса в российских регионах подтвердили формирующееся противостояние между местным населением и мигрантами: «противостояние мигрантов и “местного” населения, независимо от расовой и/или национальной принадлежности представителей этого “местного” населения (89 % из всех ответивших, указали на представителей мигрантских этнических групп, наиболее характерных для России). Это тем более верно, что не обнаруживается никаких достоверных связей такого списка с национальной или территориальной принадлежностью респондентов»³⁹⁹. Многие авторы приходят к выводу, что в современной России дискурсы межнационального конфликта генерируются и под-

³⁹⁶ *Тышков В.* Российская нация и российские национальности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytyshkov.ru/engine/documents/document1257.pdf>. (дата обращения: 02.07.2016).

³⁹⁷ *Мирошник А.Н.* Инкультурация мигрантов как способ преодоления межэтнических конфликтов. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. Ставрополь, 2015.

³⁹⁸ *Щедрина О.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 71.

³⁹⁹ *Идентичность* и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html. М., 2012. 97 с. (дата обращения: 14.08.2016).

питываются, главным образом, благодаря интенсивному приросту на территориях РФ групп неинтегрированных мигрантов, отличающихся по своей бытовой культуре от основной массы принимающего населения⁴⁰⁰. Иначе говоря, в современной России, в отличие от 90-х гг. (т. е. периода «парада суверенитетов»), проблемная зона межнациональных отношений сместилась с отношений между «титულными» национальностями и русскими к отношениям между консолидированным «местным населением» и «мигрантами».

С 2000-х гг. в России начался новый период политической истории, который характеризуется перераспределением баланса политических сил в сторону федерального центра⁴⁰¹. Совершенствуются правовая база и правоприменительная практика в сочетании с внедрением мультикультурных принципов в деятельности государственных структур, непосредственно взаимодействующих с населением. Принят 25 июня 2002 г. федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». К экстремистской деятельности были отнесены в том числе и действия, направленные на «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической и расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; 2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; 3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий, 4) финансирование указанной деятельности»⁴⁰².

Э.А. Паин отмечает заметное уменьшение в республиках проявлений сепаратизма, смещение лидеров национального движения с политической арены⁴⁰³. В результате произошло отделение принципов этнического самоутверждения от вопросов государственного строительства, что ряд исследователей рассматривает как серьезное достижение демократии и тенденцию к усилению федерального центра, что в целом

⁴⁰⁰ Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М. 2005; *Интеграционный потенциал мигрантов // Нужны ли иммигранты российскому обществу / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М., 2006; Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 2009.*

⁴⁰¹ Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. № 3. С. 22–23.

⁴⁰² *Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности».* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2016).

⁴⁰³ Паин Э.А. *Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России.* М., 2004. С. 3.

будет способствовать укреплению общероссийской государственной идентичности⁴⁰⁴. Постепенный отход от идеи введения суверенитетов обусловлен как понимаем, реальными результатами осуществленных республиками попыток, так и постепенной эскалацией другой проблемы — увеличения числа мигрантов, не ориентированных на интеграцию в российское общество. При обсуждении конфликтных прецедентов на Совете безопасности в 2006 г. В. Путин проявил понимание настроений местного населения: «Переезжающие в Россию люди должны с уважением относиться к российской культуре, к нашим национальным традициям»⁴⁰⁵.

Данный факт, а также социально-политическая и экономическая ситуация в стране потребовали разработки новых программных документов по гармонизации межнациональных отношений. Централизация власти изменила саму процедуру их разработки. Если Концепция национальной политики РФ возникла в 1996 г. как ответ на концепции республик, то в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» дана рекомендация органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года при осуществлении своей деятельности в этой сфере»⁴⁰⁶.

Также в самой стратегии зафиксировано, что она «основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления (далее также — государственные и муниципальные органы), их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур»⁴⁰⁷.

В разработанной в 2013 году федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»⁴⁰⁸ уже есть более

⁴⁰⁴ Дробизева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 16–28; Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 6–7.

⁴⁰⁵ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 10 мая 2006 г.

⁴⁰⁶ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 26.06.2016).

⁴⁰⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 02.07.2016).

⁴⁰⁸ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>. (дата обращения: 02.07.2016).

четкие указания на те проблемы, с которыми важно и нужно работать в ближайшие 6–7 лет:

- слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации;
- сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей;
- этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм;
- рост националистических настроений в среде различных этнических общностей;
- рост числа внешних трудовых мигрантов и их низкая социокультурная адаптация к условиям принимающего сообщества;
- недостаточная координация как на федеральном, так и на региональном уровне использования ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации);
- сохранение (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав;
- сохранение сложной этнополитической и религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе;
- усиление негативного влияния внутренней миграции на состояние межэтнических и межрелигиозных отношений в субъектах Российской Федерации.

Переход от патернализма в сторону мультикультурализма, как отмечает Л.М. Дробужева⁴⁰⁹, свидетельствует о том, что хоть этничность остается значимым феноменом повседневности, но, согласно Ф. Барту, обретает свое существование лишь в пределах и на границах этнических групп⁴¹⁰, что обеспечивает социальную организацию культурных различий, формирование культурной самобытности и перестает подменять процессы государственного строительства. В этом и проявляется специфичность российской модели мультикультурализма, базирующейся на диалогической рациональности признания права индивида быть иным в ответ на соблюдение им условий сосуществования в государстве и принятия коллективной идентичности. Ч. Тэйлор обосновывает ценность формирования сильной коллективной идентичности граждан для развития современного демократического государства: «участие народа «как совещательного единства» в политическом управлении предполагает сильную национально-гражданскую интеграцию и солидарность»⁴¹¹.

Обозначенная стратегия программы — переход от ситуативной и бессистемной поддержки отдельных мероприятий в субъектах Российской Федерации к проект-

⁴⁰⁹ Дробужева Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 9.

⁴¹⁰ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. Reprint 1982. P. 30.

⁴¹¹ Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 18.

но-целевому финансированию проектов и комплексов мероприятий в сфере государственной национальной политики, демонстрирует еще более усиливающуюся тенденцию к централизации управления процессом формирования межнационального согласия. Это теперь не задача, решаемая каждым субъектом России в отдельности, а задача правительства России.

Таким образом, спустя тридцать лет в России вновь набирают обороты центростремительные силы к объединению различных этнических групп и, что особенно важно, — ускорение их развития произошло после парада «цветных революций» в государствах, пограничных с российской территорией. В результате идея об усилении государства только перед лицом внешнего врага опять нашла отражение в нашей истории. Вторым объяснением закономерности происходящего может являться циклоидный характер развития истории, когда после каждого этапа ускорения центростремительных тенденций через некоторое время опять может возникнуть ситуация, благоприятствующая усилению центробежных сил.

К сожалению, мы должны признать, что предложенные в программе индикаторы укрепления гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, с одной стороны, пока заметно напоминают использование формализованного подхода периода «застоя»: «доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве граждан Российской Федерации; уровень толерантного отношения к представителям другой национальности»; а с другой вызывают удивление: «доля субъектов Российской Федерации, реализующих региональные программы, направленные на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, в общем числе субъектов Российской Федерации»⁴¹². Сложно представить субъект Российской Федерации, при существующей стратегии и программе укрепления гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, который бы не реализовал региональную программу. Механизм реализации предложенной российским правительством программы предполагает программно-целевой подход и подсчет количества участников организуемых мероприятий: «численность участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия (нарастающим итогом)⁴¹³».

Важно отметить, что в программе не только конкретизированы критерии оценки, но и даны их количественные параметры, к которым нужно прийти. Например, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве граждан Российской Федерации должна вырасти с 50,8 % в 2012 г. до 65 % в 2020 г. Уровень толерантного отношения к представителям другой национальности — с 75 % до 85 % соответственно. Доля субъектов Российской Федерации, осуществляющих реализацию региональных целевых программ, направлен-

⁴¹² *О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»*. С. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 02.07.2016).

⁴¹³ *О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»*. С. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>. (дата обращения: 02.07.2016).

ных на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, увеличится с 48 % до 100 %, а численность участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия, возрастет со 126 до 305 тыс. человек⁴¹⁴.

Таким образом, в лучшем духе планового ведения хозяйства страна получила программу, к выполнению которой нужно стремиться всем субъектам России. Но данные целевые показатели навряд ли опять смогут адекватно отразить тенденции нарастающего этнического напряжения, особенно если принять к сведению то, как собираются данные по опросам в регионах, при отсутствии независимых центров социологических исследований, большинство которых попали в список «агентов иностранного влияния», а центрам, существующим на бюджетные средства, постоянно сокращают финансирование. Если не останавливаться на деталях, то мы можем отметить, что один из самых важных признаков усиления интеграции, который начиная с XVIII в. отмечают все исследователи, — доля межэтнических семей — не учтен среди показателей. О роли семьи как первичной ячейки социализации индивида, формирующей его картину мира, в программе вообще ничего не сказано. А ведь примеры межэтнического взаимодействия дают именно там. И именно в семье закладывают основы любви к своей Родине, народу, формируют идентичность и патриотические чувства.

Мы полагаем, что причинами забвения столь важного субъекта гармонизации межэтнических отношений в стране является недостаточное внимание к роли семьи не только как к среде, в которой индивид проходит первичный этап социализации и инкультурации, но и как к разновидности референтной группы. Если для традиционной культуры семья выступает источником формирования личности и сохранения устойчивости общества, то трансформационные процессы, которые активно разрушали связи поколений в начале XX в. в России, освобождая молодое поколение от предрассудков прошлого, нанесли серьезный урон ценности семьи в процессе передачи традиций от поколения к поколению. Референтными группами стали выступать партия, трудовой коллектив, герои трудовых побед.

Несмотря на усиление роли семьи как ячейки общества уже в середине XX в., последствия войны, политических процессов повлияли на увеличение числа матерей-одиночек, которые в силу разных обстоятельств вынуждены были воспитывать детей одни. Таким образом, не только стало изменяться значение семьи в жизни человека, но и трансформироваться структура семьи⁴¹⁵, требования к выбору брачного партнера. Социально-политические и экономические процессы 90-х гг XX в., усиление миграционных потоков, необходимость вахтовых заработков только усложнили ситуацию, что привело к снижению ценности семьи как таковой.

⁴¹⁴ *О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».* Приложение 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>. (дата обращения: 02.07.2016).

⁴¹⁵ *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998; *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М., 2008; *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи. М., 2010; *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.

Тенденции последнего десятилетия демонстрируют усиление внимания к роли семьи в воспитании ребенка и сохранении стабильности в обществе. Поиск истоков, оснований для самоидентификации у поколения, которое «не помнило родства», является ответной реакцией на длительное существование без связи с историей, с традициями, со своими «корнями». В картине мира современного человека семья как ближняя референтная группа, как ценность, которую важно сохранить, вновь приобретает значение, о чем свидетельствуют результаты исследований⁴¹⁶, в том числе полученные нами в республиках Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия⁴¹⁷.

Материалы наших исследований позволяют сделать предположение, что аттитюды мультикультурного восприятия мира, ценности многополярного существования сохранились в картине мира современной молодежи, благодаря отчасти влиянию семьи как первичной ячейки социализации инкультурации личности, но находятся на дорефлексивном уровне восприятия. В следующей главе мы более детально остановимся на доказательной базе нашего предположения.

⁴¹⁶ Асанова Э.С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей республики Адыгея (социологический аспект): Дисс. ... канд. соц. н. Майкоп, 2009; Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: Дисс. ... докт. соц. н. Ростов на Дону, 2009; Воронина А.С. Трансформация социокультурных моделей взаимодействия в интернациональных семьях: Дисс. ... канд. соц. н. СПб., 2009; Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., 2008; Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М., 2010.

⁴¹⁷ Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Влияние межпоколенческих отношений в семье на социокультурную адаптацию молодежи (на примере учащейся молодежи Республики Саха (Якутия)) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, № 3. С. 104–111; Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Роль семьи в сохранении этнокультурных традиций // Семья — основа национальной культуры (материалы научно-практической конференции). Новосибирск, 2013. С. 11–13; Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Проблема сохранения ценности семьи и брака в республике Тыва // Центрально-азиатские исторические чтения. Сборник материалов III Международной научно-практ. конф. (г. Кызыл, 20–21 июня 2014 г.) / Ред. З.Ю. Доржу, В.М. Дамдынчап, А.А. Стороженко. Кызыл, 2014. Вып. 3. С. 6–9; Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Влияние этнического типа семьи на выбор аккультурационной стратегии молодежью // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, вып. 1. С. 161–171.